

КИР БУЛЫЧЕВ

**ВИД НА БИТВУ
С ВЫСОТЫ**

Театр теней

Кир Булычев

Вид на битву с высоты

«ЭКСМО»

1998

Булычев К.

Вид на битву с высоты / К. Булычев — «Эксмо», 1998 — (Театр теней)

Землянин инопланетного происхождения Гарик Гагарин стал сотрудником института Экспертизы. Этот институт занимается изучением необъяснимых явлений и людей со сверхъестественными способностями. Гарик владеет левитацией и даром внушения. В небольших городах стали пропадать целые группы мужчин, прошедших службу в «горячих точках». Все они были одинокими и состояли в ветеранских организациях. Гарика направили раскрыть тайну их исчезновения в город Меховск.

© Булычев К., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	29
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кир Булычев

Вид на битву с высоты

*Словно мячик, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игре не изменишь мольбой.
Знает правила тот, кто играет тобой.*

Омар Хайям

ПРОЛОГ

В комнате было душно, хотелось устроить сквозняк, но Манана сразу закрывала окно, потому что у нее был хронический бронхит.

– Сейчас бы пива выпить, – сказал Крогиус. Ему было так жарко, что очки вспотели.

– Катрин ждет моего звонка, – сказал я.

Только убежденный мазохист мог отправиться на свидание в шесть вечера, в разгар летней жары, подобной которой не припомнят даже ветераны-синоптики.

– У бывшего памятника Свердлову, – сообщил Крогиус, – поставили белые столики.

Я набрал номер.

Хорошо бы Катрин отказалась от свидания – у нее незапланированное профсоюзное собрание: ее лаборатория намерена голодать, пока не выплатят зарплату за февраль.

Катрин сразу взяла трубку, словно сидела у телефона и ждала моего звонка. Такой преданности я недостоин.

Первым делом Катрин сообщила, что я мог бы позвонить раньше. В такую жару даже самые нежные девушки становятся сварливыми.

Крогиус положил хозяйственную сумку рядом с телефоном. Из нее вывалился пакет с сахарным песком. Значит, Света ждет его, чтобы ехать на дачу, где идет подготовка к варке вишневого варенья. Крогиус нависал надо мной, глядя сверху собачьими глазами.

Катрин говорила так тихо, что я ничего не понимал.

– Говори в трубку! – потребовал я.

– Я и так кричу, – ответила Катрин.

– Гарик, – попросил Крогиус, – я совсем забыл. Светка вот-вот уйдет с работы. Мне тогда лучше не жить.

– Полчаса телефон был свободен, – сказал я. – Неужели надо было ждать, пока я возьму трубку?

– Но ты же знаешь, какой у Светки характер!

– Ты меня еще слушаешь? – спросила в трубке Катрин.

– И очень внимательно.

– Повтори, что я только что сказала.

– Мы с тобой встречаемся через двадцать пять минут. Там же, где всегда.

– А мне показалось, что ты меня не слушаешь.

– Все, – сказал я, нажал на рычаг и протянул трубку Крогиусу.

У выхода я врезался в девочку Соню из библиотеки. Почему-то ей захотелось выяснить со мной отношения в момент окончания рабочего дня. Соня сообщила, что у меня закрыт абонемент, потому что я не вернул шесть книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере три из них взял Гамлет. Гамлет уехал к себе в Армению, которая тут же стала независимым государством.

Покончив с неприятностями, Сонечка согнала с лица строгость и ласково спросила:

– Вы будете выступать в устном журнале?

А может, она не Сонечка? Розочка? Или Розалинда?

– К сожалению, я отбываю в командировку, – ответил я и улыбнулся, как известный французский актер.

Сонечка узнала во мне Жан-Поля Бельмондо и сказала, что у меня дар к перевоплощению. Во мне погибает великий артист. Я и без нее знал, что у меня есть дар к перевоплощению. Но погибает ли во мне великий артист?

– Как жаль, что вы не учитесь!

– Я уже все науки выучил.

– Ах, вы ужасный шутник!

– Я не шутил.

– С вами так интересно! Вы добрый.

– Вы заблуждаетесь, девушка, – возразил я. – Я только притворяюсь добрым. На деле же я...

Я осекся, потому что чуть было не показал ребенку голодного крокодила. Она бы испугалась до смерти.

На улице было даже хуже, чем в нашем полуподвале. Чтобы убить время, я пошел пешком. У подземного перехода продавали поникшие тепличные розы. Нет, если я куплю этих плакальщиц, то рядом с Катрин буду выглядеть неудачливым женихом.

Я вышел к памятнику Пушкину. У ног монумента лежал вылинявший букетик васильков.

Меня охватило странное чувство, будто все это уже было – и духота, и васильки, и фотограф у переносного стенда.

Я подошел к полукруглой мраморной скамье в тени недавно распустившихся лип. Катрин опаздывала. Я сел на пустой край скамьи. На скамейках потели туристы с покупками, с ними попеременно сидели старички ветераны со свернутыми плакатами, ожидавшие начала демонстрации или митинга протеста, и кавалеры вроде меня.

Катрин пришла не одна.

Сбоку и на полшага сзади брел большой широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался проходимцем. Над красным лбом нависал козырек белой кепочки. Будь чуть прохладнее, он напялил бы свободно ниспадающий пиджак.

Я разглядывал мужчину, потому что Катрин не надо было разглядывать. Со вчерашнего дня она не изменилась. Катрин похожа на щенка дога – руки и ноги ей еще велики, их слишком много, но в том-то и прелесть.

Катрин издали увидела меня, подошла к скамейке и опустилась рядом со мной. Мужчина сел с другой стороны, потеснив злого ветерана с комсомольским значком на черном пиджаке. Катрин сделала вид, что меня не знает, я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина бодро сказал:

– Какая жара! Самое время для теплового удара.

Катрин, окаменев, смотрела прямо перед собой, а мужчина замолк, любуясь ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее обнаженной руки, но он не осмеливался, и его пальцы, приподнявшись, нависли над ее кистью.

Лицо мужчины было мокрым, на кончике носа собиралась капля.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя на меня, прошептала:

– Превратись в паука! Испугай его до смерти. Только чтобы я этого не видела.

– Вы что-то сказали? – спросил мужчина и дотронулся наконец до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Тогда я наклонился вперед, и он вздрогнул от неожиданности.

Мне надо было встретиться с ним взглядом.

Затем я превратился в очень большого паука.

У меня было круглое тело в полметра диаметром и метровые мохнатые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные желтым смертельным ядом.

Мужчина не сразу сообразил, что же случилось.

Он зажмурился, но не оторвал пальцев от локтя Катрин.

Тогда я был вынужден превратить Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод хитинового панциря.

Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди, а другой рукой прикрыл глаза.

– Черт возьми! – произнес он. Ему показалось, что он заболел. Как многие большие вялые мужчины, он был мнителен. Но, веря в здравый смысл, он заставил себя еще разок взглянуть на меня.

Тогда я протянул к нему передние лапы с когтями.

И он убежал.

Ему было стыдно убежать, но он не мог ничего поделать со страхом. Туристы схватились за сумки с покупками. Старики начали подниматься, решив, что пришла пора народного гнева.

Катрин заразительно засмеялась, привычным жестом откинула с лица тяжелую русую прядь.

– Спасибо, – сказала она. – У тебя это здорово получается. Если бы я не знала, наверняка бы испугалась. Хотя не поняла, что ты натворил на этот раз.

– Я превратил тебя в паучиху соответствующего размера.

– Как тебе не стыдно!

– Куда мы пойдем? – спросил я.

– Куда хочешь, мой властелин, – сказала Катрин.

– Я хочу пить пиво в парке и лежать на траве.

– Я слышала, что в Москве учредили полицию нравов, – заметила Катрин.

– Я постараюсь скромно валяться на траве и сдержанно пить пиво.

– У меня так не получится. Правда, там, наверное, много народу.

– Все, кто обладает средствами или садовым участком, толкуются в электричках, – сказал я. – В парке остались только бомжи.

– Тогда пошли в метро.

– Может, поймаем машину? – спросил я.

– Тебе нравится шиковать, мой воздыхатель, – возразила Катрин. – Шикуй в одиночестве, я трижды обгоню тебя в метро.

Мне хотелось принять вызов, но тогда бы я лишился общества Катрин. А мне не хотелось его лишаться.

Вагон был набит, почему-то каждый второй пассажир вез остроконечный садовый инвентарь, а другая половина волокла чемоданы и сумки на колесиках. Но на «Комсомольской» все эти страшные потные люди выжались из вагонов, как паста из тюбика. Стало свободно, и даже можно было сесть.

– Жалко, – сказал я. – Жалко, что стало так свободно.

– Ты мазохист! – шепотом воскликнула Катрин.

– Нет, сладострастник, – возразил я. – Толпа так сладко прижимала меня к твоей груди.

Катрин чуть растерялась. Ее синие глаза сузились от неуверенности: то ли рассердиться на меня, то ли отыскать достойный ответ. Она предпочла второе.

– И как тебе моя грудь? – прошептала она.

– Твоя грудь божественна, – сказал я. – Ты можешь смело переходить в третье тысячелетие с его сексуальной свободой и полной эмансипацией.

– Чуть-чуть, – вздохнула Катрин, – ты чуть-чуть переборщил в своем мужском самомнении. И я тебе это припомню.

Шутя, она была серьезна. И я согласился с ней. Если переиграл, то умею признаться.

Под большими деревьями у входа в парк «Сокольники» было прохладно, но нас обогнали другие любители пива. Они сидели на лавочках томными рядами и сосали пиво из бутылок. Ни один из банки, все – из бутылок. Здесь собирался народ серьезный, ценители и патриоты.

Я взял в киоске четыре банки «Будвайзера».

Впереди, за круглым бассейном, поднимался серебряный пластиковый купол какой-то очередной выставки. Нам бы в экспедицию такой купол – под ним свободно и не очень жарко. Под одним куполом можно устроить камералку, склад, столовую и танцевальный зал.

Нет, нельзя, придут заморенные, но гордые казачки и разрежут купол на полотна, а полотна унесут для хозяйственных надобностей. Если ты хочешь, чтобы археологическая экспедиция прожила на Кубани свой срок, то будь скромн, незаметн, плати рабочим достойно, но не очень много.

– Ты думаешь? – спросила Катрин.

Она была со мной одного роста – метр восемьдесят, и наши глаза, когда мы разговаривали, оказывались совсем рядом.

– Ты имеешь в виду процесс мышления? – уточнил я.

– Вот именно. Я вдруг тебя потеряла.

– Скоро в экспедицию, – сказал я.

– Почему ты вдруг об этом подумал?

– Увидел серебряную палатку, – показал я на купол.

– Пойдем левее, – предложила Катрин, будто не хотела, чтобы я думал об экспедиции.

Мы взяли левее.

... Скажите, почему мы должны зависеть от какого-то Нечипоренки, который и компьютера настоящего в глаза не видел? Крогиус клянется, что обсчитал бы бусы, пользуясь карманным вычислителем, быстрее, чем Нечипоренко с его лентями. А нам так хотелось получить данные до лета, чтобы успеть сдать тезисы к полевому сезону – тогда мы получим слово на сентябрьской конференции и совершим наш небольшой переворот в отечественной археологии. Нам не поверят, и на нас даже ссылаться не станут – мало ли кто совершал небольшие перевороты? А вятичи и ныне там!

Когда я очнулся от мыслей, то понял, что Катрин идет на некотором расстоянии от меня и глядит недобро.

– Я о другом думал, – поспешил я оправдаться. – Я думал о бусах и компьютере.

В лесу, изрезанном тропинками, но почти не загаженном, Катрин постелила на траву газету. Я поставил на газету банки с пивом и две из них открыл. Они были теплыми и плевались пеной.

Солнце пробивалось сквозь молодую и остро пахнущую березовую листву. Мне захотелось березового сока, но мы опоздали – раз пошла листва, сок не побежит.

– А в детском доме я писал стихи, – сказал я. – Меня звали Лермонтовым.

– Почему не Пушкиным? – спросила Катрин.

– Потому что я имел наглость сказать, что люблю Лермонтова больше.

– А теперь?

– И теперь больше.

– Прочти стихотворение, – попросила Катрин.

– Какое?

– О котором сейчас вспомнил.

– Ты слишком прозорлива, Катрин.

– Мужчина должен думать, что свободен в своих решениях... и капризах.

- Тогда я не буду читать.
- Все равно тебе хочется.
- Я его забыл.
- Ну, как хочешь...
- Только последнюю строфу.

...А капли стучат и плещут в стакане.
Весеннее утро. Рассвет невесом.
И с каждой каплей прозрачнее станет
Мутный сначала березовый сок.

- Это не Лермонтов. Это ты.

Катрин открыла еще одну банку. Сдула пену. Я растянулся на траве и смотрел, прищурившись, на облака.

- Земля не холодная? – спросила Катрин.

- Я закаленный, я детдомовский.

– Для меня в этом есть анахронизм. Детские дома были сто лет назад. Ими командовал писатель Макаренко.

- И Железный Феликс.

- Если простудишься, раздружусь, – сказала Катрин.

Мне хотелось поцеловать ее, но ей этого не хотелось. Я спросил:

- Ты хотела бы летать?

- На самолете?

- Сама.

- Без крыльев?

- Без крыльев.

- Это называется левитацией, – назидательно сказала Катрин. – А левитации не бывает.

Это мистика.

- Это мистика для первобытных землян, но не для существа высшего порядка...

Она склонилась надо мной и посмотрела на меня в упор.

- Угадай мои мысли! – потребовала она.

- Я не умею.

- Тогда почувствуй мои мысли!

- Не мучай меня. Я все равно не признаюсь, так как не хочу получить пощечину.

- Твое молчание тоже оскорбительно.

Она коротко размахнулась и дотронулась до моей щеки ладонью. Ладонь была сухой и горячей.

– Очень жарко, – сказала Катрин. – И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы наверх.

- Ты меня не спутала с кем-нибудь?

– Я тебя ни с кем не спутала. Неделю назад ты сказал мне, что любишь, когда у меня распущенные волосы.

- Ты мне нравишься в любом виде, – заверил я.

- Но с распущенными волосами больше.

- С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Она сидела, опершись ладонью о траву. Рука у нее была тонкая и сильная.

- Катрин, – сказал я, – выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

- Ты меня не любишь, – возразила Катрин.

Я повернулся на бок, дотянулся губами до ее руки и поцеловал по очереди ее длинные загорелые пальцы.

– Если ты выйдешь за меня замуж, – сказал я, – то я всегда буду казаться тебе красивым. Как артист Янковский.

– Устанешь, – сказала Катрин. – И я устану.

– Давай попробуем.

– Ты сошел с ума, – заявила Катрин. – Ты же чужой человек. Опасный.

– Агент ЦРУ? – спросил я.

– Хуже, пришелец из космоса.

– Никто, кроме тебя, так не думает, – сказал я. – А гипнотизировать дураков я умею с детства. Ведь тебя мне не загипнотизировать?

– Разве я знаю? А может быть, я сижу здесь с тобой, потому что загипнотизирована?

Она сказала это как будто в шутку, а на самом деле серьезно. Она выпрямилась и забрала от меня свои пальцы.

– Нет, – сказал я. – Я позволил себе сделать это только один раз.

– Знаю. Когда у меня на Красной площади заболел зуб, правда?

– А ты мне даже спасибо не сказала.

Из леса вышла лосиха. У нее было грустное верблюжье лицо. Может, оттого, что она чувствовала себя неполноценной без рогов. Нас она будто не замечала. Понюхала пивные банки, глубоко вздохнула и пошла в лес, медленно переставляя ноги, словно училась ходить.

– А больше ты мне ничего не внушал? – спросила Катрин.

Она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила визита лосихи.

Я не ответил ей, потому что лосиха обернулась от густых кустов, в которых намеревалась скрыться, и посмотрела мне в глаза.

– Я тебе не верю, – сказала Катрин.

Мы допили пиво, а пустые банки завернули в газету и положили ко мне в «дипломат». Мы были борцами за чистоту природы. Я впервые увидел Катрин на митинге «Гринписа» на Пушкинской площади. Она там была активисткой, а я проходил мимо и загляделся на нее.

Мы вышли из парка, когда загудели первые комары, отряхивая с крылышек сладостную жару, а у входа на круге зажглись фонари, желтые в синем воздухе.

Я проводил Катрин до ее подъезда, но она не пожелала поцеловать меня на прощание. Чем-то я ее прогневил, но чем, я не догадался.

Я пошел домой пешком. Мне было так грустно, что я придумал работающий вечный двигатель, а потом доказал, почему он не будет работать. Порой так хочется опровергнуть законы физики, но пока это у меня не выходило.

Доказательство и контрдоказательство были очень сложными, и я почти забыл о Катрин.

И вдруг я понял, что, когда вернусь домой, зазвонит телефон и расстроенный Крогиус, который поссорился со Светкой и не поехал на дачу, сообщит мне, что наше открытие не состоится. Может быть, из-за неумелого Нечипоренки, а может, потому, что мы с Крогиусом дураки.

Мне не хотелось обходить широкий газон, засаженный какими-то колючими, плохо цветущими и дурно пахнущими цветочками. Я решил через него перелететь. Лететь оказалось непросто, я все терял равновесие и валился на бок, отталкиваясь рукой от земли, чтобы снова взлететь, и все повторялось.

Разочарованный, я пошел на четвертый этаж по лестнице. Пускай лифт отдохнет.

Когда я открывал дверь, то почувствовал, что в комнате, не зажигая света, сидит кто-то чужой.

Я аккуратно закрыл за собой дверь. Потом зажег свет в прихожей. Я старался вести себя так, словно ни о чем лишнем не догадываюсь.

Человек, который сидел в темной комнате, знал, что я его обнаружил, но молчал. Я спросил:

– Почему вы сидите без света?

– Я вздремнул, – соврал посетитель, – вас долго не было.

Входя в комнату, я нажал на кнопку выключателя и спросил:

– Кофе поставить?

– Только для себя, – ответил посетитель, – я не пью кофе.

Человек, поднявшийся с дивана при моем появлении, был обыкновенен и респектабелен. Западный клерк в русском исполнении. Чтобы ему не было скучно в одиночестве, я тоже принял вид чиновника по особым поручениям.

Гость улыбнулся и сказал:

– Не старайтесь, лучше поставьте кофе.

Он прошел за мной на кухню и зажег газ, пока я наливал в чайник воду.

– Неужели вы пьете растворимку? – спросил он осуждающе.

– Пью, – признался я словно в преступлении.

– Вот уж не думал, – сказал гость.

Он смотрел, как я насыпаю кофе, наливаю кипяток, размешиваю. Когда он убедился в том, что я обеспечен кофе, то повернулся и пошел обратно в комнату. Я послушно проследовал за ним.

– Вы не чувствуете себя одиноким? – спросил гость, опускаясь на диван. Он двигался не очень уверенно, словно был немного пьян или ему давил под мышками пиджак.

– Мне некогда чувствовать себя одиноким, – сказал я. И удивился тому, что принимаю так спокойно пришельца, без спросу вторгшегося в мою квартиру поздним вечером.

– Даже сегодня?

– А чем сегодня хуже, чем вчера? – спросил я.

– Почему вы до сих пор не женились? – спросил гость. Его лицо оставалось в тени, и я не видел, какого цвета у него глаза.

– Меня девушки не любят, – сказал я.

– А может быть, вы привыкли к одиночеству и предпочитаете остаться один?

– Я ценю одиночество, только вряд ли вы сможете понять почему.

– Попробуйте объяснить.

– Я провел много лет в детском доме, где слова «одиночество» не существует. И первое, что я сделал, получив эту квартиру, – запер за собой дверь, разделся догола и весь день в таком виде бродил по комнате.

– Вы правы, мне это чувство непонятно, – согласился гость.

Теперь наступила моя очередь задавать вопросы, чем я и воспользовался.

– Как вы ко мне попали?

– Я прилетел, – ответил гость. Впрочем, этот ответ я предугадал. – Окно было открыто.

Он глядел на меня, чуть склонив голову набок, словно ожидал, что я выкажу изумление. Но я не изумился. Я сам не раз пытался полетать. Только никак не мог удержать равновесия. Это труднее, чем оторваться от земли.

Человек покачал головой.

Тут я заметил, что у него на носу очки – старенькие, в толстой пластиковой оправе. Разве у него раньше были очки?

– Были, – догадался гость. – Человек в очках выглядит безопасным. Наверное, оттого, что очки можно разбить одним ударом.

Человек с неудовольствием смотрел, как я отхлебываю кофе. Было душновато, а я пил кофе.

Человек отвернулся от меня и пошел вдоль стеллажей, читая названия книг.

– Много лишнего, – вынес он приговор. – Всего не перечитать. А если и перечитать, то ничего не получишь взамен. Чтение непроизводительно. Скоро вы это сами поймете.

Мне не хотелось ничего понимать. Я устал, и меня клонило в сон. Может же человек хотеть спать после трудового дня?

– Итак, – сказал гость, как бы пародируя доктора, – вы не раз задавали себе вопрос: почему я не такой, как другие? С раннего детства вы привыкли таиться, обманывать, лукавить, потому что нет большей опасности погибнуть в детской стае, чем показаться иным, умнее других, смелее других. Ты несешь друзьям свой талант, а друзья в отвращении отворачиваются или кидают в тебя камнями.

– Я такой, как все! – поспешил я с ответом, чем вызвал печальную ухмылку на никаком лице гостя.

– Я полагаю, что еще в младших классах ты учился лучше, чем остальные, и тебе не составляло усилий быть лучшим... – Незаметно для меня он перешел на «ты». Бог с ним – он явно старше. – Когда я разыскивал тебя, Гарик, – продолжал гость, – то познакомился не только с характеристиками на тебя и анонимными письмами. Я убедился, что с годами ты все лучше умел притворяться, казаться тупее, чем был на самом деле.

– Чепуха!

– А кто сломал модель самолета, которая могла летать быстрее настоящего самолета?

– Это Петька Лукин на него нечаянно наступил!

– Ты толкнул Петьку Лукина. Он, кстати, в этом уверен.

– Вы и с ним говорили?

– И не только с ним.

– Вы знаете обо мне...

– Больше, чем ты сам. И знаю, как тяжело молодому человеку, мальчику заставлять себя таиться, пригибаться от славы, зная, что за вспышкой славы последует тень презрения, зависти, ненависти...

– А второй приз на районной математической олимпиаде? – спросил я, будто был не согласен с гостем.

– Второй! А почему не первый на городской олимпиаде? А специальную стипендию на физическом факультете университета ты не смог бы получить?

Я пожал плечами. К чему этот напор и натиск?

– И дернуло же тебя идти на исторический!

Я понял, что он говорит, не раскрывая рта. А я слышу его. Неужели он телепат?

– Не отвлекайся! – потребовал гость. – Ответь мне честно: зачем ты пошел на исторический – в эту тупиковую псевдонауку?

– Потому что я люблю историю. Потому что я родился археологом. Потому что вернуть к жизни прошлое – значит дать новую жизнь людям, которые надеялись на бессмертие и оказались забыты. Это мои счета с вечностью.

– Перестань! – приказал гость. – Прошлое не может интересовать сознательное существо. Есть только будущее, и туда должен быть устремлен разум.

– Видно, мы с вами по-разному относимся к мирозданию.

– Мы не можем относиться по-разному, – сказал гость, – потому что вся ваша история – это всплески молодой энергии, это тупиковые ветви растущего сознания.

– И я буду таким, как вы?

– Вот именно, – обрадовался гость. – Мы одной крови – ты и я.

– Не понимаю.

– Поймешь, сейчас поймешь. Давай задумаемся о твоих способностях, о тех качествах, которых лишены твои друзья и знакомые. Например, о силе внушения. Ты же можешь внушить любому человеку черт знает что!

Гость тут же превратился в небольшого каменного сфинкса. Сфинкс заговорил голосом гостя:

– Надеюсь, этим я тебя не удивил?

– Чего уж там, – ответил я и превратился в верблюда. Ведь сфинксу одиноко без нормального верблюда по соседству. Если бы нас увидела Катрин, она бы влезла на верблюда и стала кататься вокруг сфинкса.

– Отлично получается! – похвалил меня гость. – Но это лишь верхушка айсберга. Многие твои качества еще дремлют. И их открытие впереди.

– А что я умею делать?

– Скоро ты научишься летать. Невысоко и с большой тратой душевных сил, но научишься обязательно. Тебе уже хочется подняться в воздух.

– Разве это не нарушение физических законов?

– Смотри каких законов, – проворчал гость. – Ты же не знаешь современной физики.

– Чего я еще не знаю? Современной химии? Современной биологии?

– Ты не безнадежен. Но продолжим перечисление твоих способностей. Ты быстро читаешь?

– Более или менее.

– Чепуха! Тебе достаточно взглянуть на страницу – и ты запоминаешь ее целиком. В классе ты тщательно таил этот талант, чтобы не вызвать зависть друзей. Ты складываешь, вычитаешь, извлекаешь корни с такой легкостью и быстротой, что мог бы с успехом выступать на эстраде. Ты уже сейчас можешь не спать несколько суток и столько же обходиться без еды.

– Мне не приходилось еще обходиться несколько дней без еды.

– Попробуй. Как существу, обладающему особыми способностями, тебе неувидительны такие способности в других. Ты умудрился не удивиться моему появлению в запертой квартире и заявлению, что я взлетел на четвертый этаж.

– Удивился, удивился!

Но он уже не слушал меня. Его голос дрожал от пафоса:

– По принятым меркам, ты – потенциальный гений! Но далеко не всеми своими способностями ты умеешь распоряжаться и о большинстве их даже не подозреваешь.

– Значит, я, слава богу, не гений! – прервал я. – Потому что просто гения не бывает. Гений – это особое развитие таланта. Конкретного таланта.

– Давай не будем спорить по пустякам!

– Ничего себе – пустяки! Ко мне приходит незнакомый человек и объявляет меня гением. Затем, правда, сообщает, что я еще ничего не могу и не умею. А вы умеете?

Ничего не ответив, гость растворился в воздухе и окликнул меня сзади, из дверного проема. Потом не спеша подошел к книжному стеллажу и показал другой фокус – вынул книгу и кинул ее перед собой. Книга замерла в воздухе. Мне очень хотелось, чтобы она, болезненная, поскорее упала куда-нибудь, не мучилась. Но через полминуты, с некоторым напряжением, скривив рот, гость поставил ее на место.

– И мне все это предстоит? – без особого энтузиазма спросил я.

– Это далеко не все! – Гость говорил напыщенно, словно продавал мне Британскую энциклопедию, а я, дурак, не мог оценить величия этого многотомника.

– С меня достаточно.

– Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле. В отличие от друзей-детдомовцев, я вижу тебя насквозь.

Я покорно склонил голову.

Нельзя сказать, что я не был заинтригован. Более того, я вовсе не думал, что мой гость – фокусник или жулик. В нем была сногшибательная искренность, граничившая с занудством. У таких людей не бывает чувства юмора.

– Однако я должен тебя предупредить, – сообщил гость, – что в полном объеме ты сможешь раскрыть свои возможности, только если окажешься в окружении себе подобных.

– Вы хотите сказать, что я мутант? – вздохнул я. – Что я генетический урод? Но не один в своей беде?

– Нет, – серьезно возразил гость, – объяснение твоим странностям лежит в том, что ты здесь чужой.

– Где здесь?

– На Земле.

– Нет. – Я сопротивлялся как лев. – Я родился в поселке Дворцы Вологодской области. Мои родители погибли при лесном пожаре. Вернее всего, они были туристами. От них и следа не осталось. А я выжил. Меня нашли пожарные и принесли в поселок.

– Ты это помнишь?

– Это есть в документах. Когда меня брали в детский приемник, то все это записали.

– Ты сам не уверен в том, что говоришь.

– Ну, я же был маленький! Вот такой маленький!

– Тогда выслушай правду. И не возражай, хотя она покажется невероятной. Тебя потеряли. Тебя потеряли и думали, что ты погиб вместе с родителями.

– Вот именно, – сказал я.

– Не перебивай. Твои родители находились на космическом корабле. На разведывательном космическом корабле. Их корабль потерпел бедствие. Он погиб. Тебя успели выбросить из корабля в спасательной капсуле. Потом корабль упал. Лес загорелся. Пожарные очень удивлялись, почему ты не пострадал. Но тебя же окружало силовое поле. До тех пор, пока твоей жизни грозила опасность.

Я слушал его и внутренне соглашался. Потому что он был вполне серьезен и деловит, как почтальон, принесший вам повестку в суд. Его дело – сообщить. Ваше дело – явиться. Но меня-то мучило совсем другое.

– Допустим, – сказал я, – что вы правы. Тогда как я должен выглядеть... как я выгляжу на самом деле?

– Примерно так же, как ты видишь себя в зеркале.

– То есть я – человек?

– Определение неточное. Но если ты слышал о панспермии...

– Да. Если верить этой теории, все люди в Галактике произошли из одного семени. Они все – люди!

– Именно так! Ты понимаешь, что мы не всеильны. Как мы могли бы запрограммировать тебя на много лет вперед?

– Ну и слава богу, – сообщил я с облегчением. – Я боялся, что вы сейчас сообщите, что я – разумный паук в человеческой оболочке.

– Глупости!

– И генетически я тоже человек?

– Разумеется. Ты можешь здесь жениться, иметь детей... Но этого не будет.

– Почему же?

– Неужели ты полагаешь, что мы потратили столько лет и невероятные усилия ради того, чтобы выслушать твой неразумный отказ?

– Может быть.

– Ты не поверил мне?

– Я вам поверил. Вы не умеете врать!

– Вот именно! – Впервые в его голосе прозвучало чувство. Он гордился своей правдой.

– А я научился.

– Разучишься. Тебе не понадобится более таиться и лгать.
– Не хотите ли вы сказать, что приглашаете меня в гости?
– Я предлагаю тебе вернуться домой.
– Тогда я должен позвонить Крогиусу. У нас с ним общая работа. Я не могу его подвести.
– Не надо ему звонить. Крогиус утешится через неделю. То, что вы с ним делаете, пока Земле не нужно. Вас не поймут. Над вами будут смеяться академики. Я вообще удивлен, как ты смог внушить Крогиусу эту дикую идею?

– Вы только что высоко отзывались о моих способностях.

Я поднял телефонную трубку.

– Я просил тебя не звонить Крогиусу.

– Хорошо, – ответил я и набрал телефон Катрин. Гость аккуратно ткнул пальчиком в рычажок.

– Все это в прошлом, – сообщил он. – И твое бесконечное одиночество среди особей, столь уступающих тебе. Пришла пора человеку уйти из стаи горилл. Пойми же, что, если бы я не нашел тебя, ты бы погиб. Потому что ты не смог бы себя реализовать. С возрастом ты все более отказывался бы от своего «я». И стал бы приматом, подобно тем павианам, что тебя окружают.

Я подумал, что в чем-то с ним согласен. Среди моих знакомых встречаются павианы. И другие животные. Но порой можно встретить очень милого кроманьонца.

– Мы должны спешить, – продолжал мой гость. – Нас ждет корабль. Здесь наши корабли бывают редко... Запри квартиру, тебя никто не хватится.

Я колебался.

Ведь храбрился я скорее по инерции, так как чувство, схожее сразу и с восторгом, и с отчаянием, держало меня в когтях. Я был лишен возможности трезво и разумно выбирать. По нескольким причинам. Во-первых, я был ошарашен самим фактом того, что среди нас, людей, встречаются космические пришельцы. И я – один из них. Может быть, уникальное существо, может быть, обыкновенное, как поганка. Но для меня это не важно. Для себя, неповторимого, я уникален.

На ошарашенность накладывалась необычность ситуации – появление незваного гостя, который может взлететь к тебе на четвертый этаж и знаком с деталями твоей прошлой жизни. Мне проще и спокойней было бы отнести эту историю к разряду снов или галлюцинаций. Но именно этого гость сделать не позволил. Он требовал от меня действий, решений, которые, оказывается, он за меня уже принял.

Поэтому я и старался шутить – так мозгу было легче справляться с безумием.

– Надо спешить, – сказал гость. Он снял очки, и они исчезли в его руке. – Каждая секунда пребывания корабля на низкой орбите обходится в миллионы единиц энергии, которая нужна для других целей. Но мы никогда не покидаем в беде соотечественников, даже если они об этом не подозревают.

– Но я должен позвонить, объяснить...

– Ты никому ничего не должен, – сказал гость. – О тебе все завтра забудут.

«Ну уж не завтра!» – хотел возмутиться я. Но промолчал. Какое дело разумненькому гостю до моих личных проблем и связей с другими людьми?

– Ну чего ты медлишь?

– Трудно объяснить.

Гость взял меня за локоть и повлек к открытой двери на балкон.

– А может, выйдем через дверь?

– Зачем? Чтобы нас увидели и потом поднялись лишние пересуды?

– Какое нам с вами дело? – передразнил я гостя, но тому не были свойственны излишние чувства, и он игнорировал мою фразу. Ну хоть бы прислали кого-нибудь повеселее! Или у них... у нас там все такие?

– Ну хотя бы подумай, – заявил гость, ступая на балкон и выволакивая меня за собой, – подумай о новых впечатлениях, новых открытиях, новых свершениях! Неужели ты уже закис в этом болоте?

Так как я не закис в этом болоте, то, продолжая пребывать в шоке, я вышел на балкон и остановился у перил.

Внизу, во дворе, на скамейке под тополями, Валя-пижон из шестой квартиры играл на гитаре, неумело, но старательно изображая Элвиса Пресли. Вокруг, как всегда, томились девицы.

– Только не бойся. Держись за мою руку – ты не упадешь. Это даже приятно.

Рука у него была сухая и уверенная.

И тут зазвонил телефон. Я дернулся было обратно. Гость цепко держал меня.

– Это Крогиус? – спросил я у гостя.

– Это Крогиус, – уверенно ответил тот. – Он расстроен, он разочарован, он не уверен в себе, он намерен ближайший час плакать тебе в жилетку. Завтра он обо всем забудет.

– Конечно, вы правы, – согласился я. – Это Крогиус.

Лететь и в самом деле было приятно и совсем не страшно. Может быть, потому, что стояла теплая ночь.

Мы быстро долетели до корабля.

Корабль висел над Сетунью, над огородами и крапивными зарослями. Он был почти не виден – я догадался о его присутствии только потому, что в звездном небе обнаружилась черная дыра.

Я обернулся к строкам освещенных окон над обрывом.

– Постарайся преодолеть охватившую тебя печаль, – дал мне совет гость. – Она рождается внутри, она зависит от страха перед будущим. Прошлое тебя уже не интересует. Завтра ты лишь улыбнешься, вспомнив о мелких заботах и маленьких неприятностях, окружавших тебя в этом мире.

В черной бездне корабля открылся люк – круг светлячкового света. Гость подтолкнул меня к кругу, и я врезался головой в нечто мягкое, податливое, прорвал эту пленку и оказался внутри корабля, который, разумеется, ничем не был похож на космические корабли, привычные по фантастическим фильмам. Это было пустое помещение, гладкость стен и округлость потолка которого говорили о серьезности намерений и привычек его обитателей. Даже кнопок, столь обычных по фильмам, в корабле не оказалось. Правда, при моем появлении из пола поднялось низкое мягкое сиденье. А может быть, плаха. Нет, об этом говорить моему гостю не стоит, он может и не понять.

– Ну что ж, – сказал гость. – Прощайся со своим детством. Пора становиться взрослым.

Я почувствовал, как корабль начал медленно набирать высоту. Сквозь полупрозрачный пол просвечивали огоньки фонарей, окон, бегущих автомобилей...

– И чтобы у тебя не оставалось сомнений, – произнес гость, – я дам тебе послушать настоящую музыку. Музыка твоего мира...

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила мои чувства и понесла их к звездам. И была она гармонична, как само звездное небо. Это было то совершенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в периоды раздражения и усталости.

И тут сквозь музыку донесся звук телефона. Телефон звонил у меня в квартире, я в этом не сомневался.

Телефон звонил в покинутой, неприбранной квартире. Его ручка замотана изоляционной лентой, потому что кто-то из друзей скинул аппарат со стола, чтобы освободить место для шахматной доски. Ему, видите ли, захотелось поиграть в шахматы после трех банок пива!

– Я возвращаюсь, – сообщил я гостю.

– Куда? – не понял гость.

Казалось бы, если ты телепат, то загляни ко мне в душу и погляди, какой там творится кавардак. Наверное, гость страдал самоуверенностью – качеством, которое погубило многих славных полководцев.

– Я возвращаюсь в мой старый дом. В тот самый, который грозит мне одиночеством и деградацией.

– Возвращаться поздно! – закричал гость. – Возвращение в прошлое невозможно. В далеком темном прошлом тебе нечего делать.

– До свидания, спасибо за урок!

– Какой урок! Все, что делалось, делалось ради тебя! Мы спасаем тебя!

– Скажите там, у себя, что не смогли меня обнаружить!

– Я не умею лгать!

– А я умею, – сказал я.

Я прошел сквозь люк, ибо уже знал, как это делается, и полетел к Земле. Было очень холодно и трудно дышать. Пришлось отключить дыхание. Ну и залетели мы! Сюда не доберется даже горный орел!

– Ты обрекаешь себя на жизнь, полную унижений и обманов, – булькал в ушах голос гостя. – Мы больше не сможем прилететь к тебе! Ты всю жизнь будешь стремиться вернуться, но будет поздно.

Я полетел быстрее и чуть не врезался в землю. Если он еще что-нибудь говорил, то я не слышал – я был занят тем, как погасить скорость.

Дверь на балкон была по-прежнему распахнута. Телефон, конечно же, умолк. Не зажигая света, я нашупал трубку, позвонил Катрин и спросил ее:

– Катюш, ты мне звонила?

– У тебя занято. Это, наверное, твой сумасшедший Крогиус звонит! Он тебя по всему городу разыскивает, чтобы сообщить, как вы промахнулись со своими вятчиками. Хоть этого тебе жалко?

Я прошел к выключателю, не выпуская из руки аппарата, включил верхний свет.

– А ты мне не звонила?

– Я боюсь, что ты всех соседей перебудил. Уже первый час.

– Так ты звонила?

– Зачем я должна была тебе звонить?

– Чтобы сказать, что ты от меня без ума.

– Гарик, я иногда подозреваю, что ты – не наш человек. Ты – пришелец из космоса и притом моральный урод с даром внушения. Я не могу с тобой дружить, потому что не знаю, когда целую тебя, а когда Жан-Поля Бельмондо.

– Я повешусь!

– Пришельцы не вешаются.

– У нас гильотины, – вспомнил я. – Мягкие гильотины. Пуховые плахи.

– Ложись спать, а то я тебя возненавижу.

– Ты завтра когда кончаешь работу?

– Гарик, что-нибудь случилось? Скажи честно! Какие-то неприятности? Может, надо к тебе приехать?

– Честная земная девушка не ездит ночью к космическим уродам.

– Я не честная. Я за тебя отвечаю.

- Может, ты тоже гость из космоса?
- Нет, я в тебя влюблена – и это катастрофа.
- Ты не ответила, когда ты завтра кончаешь работу?
- Тебя это не касается. У меня свидание.
- У тебя свидание со мной.
- Ладно, пускай с тобой, – быстро согласилась Катрин. – Но сначала позвони Крогиусу. Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом лег спать и старался не думать о госте и тайне моего рождения. Это меня не касается. Я не любитель фантастики. А вот кофе дома не осталось – придется с утра сбежать на угол в палатку.

– Мне приснился странный сон, – сообщил я Катрин, когда мы сидели на террасе кафе в «Сокольниках» и пили почти настоящий капучино. В трех метрах от нас хлестал неожиданный дождь, от которого мы еле успели скрыться на этой террасе. Сразу стало прохладно, почти холодно, но зато мы здесь были одни.

– Наконец-то мы переходим в область снов и видений, – сказала Катрин. Она была задумчива, рассеянна и слушала мою исповедь без ожидаемого изумления. Я сказал:

– Честно говоря, не знаю, показалось мне все это... странно, если показалось. Уж очень подробно я помню все, о чем мы с ним говорили. И когда мы расстались, я поглядел на часы. Прошло больше часа. Что ты думаешь?

– Это очень похоже на фантастическую правду, – сказала Катрин. – Знаешь, на ту правду, которая порождена трезвым сознанием. Без логических провалов. А тебя в самом деле нашли в горящем лесу?

- Я думал, что рассказывал тебе об этом.
- Как видишь, упустил. И я не спросила.
- Принести еще кофе?
- Давай.

Я принес две чашечки и поставил на стол.

- Что же мне теперь делать? – спросил я.
- Наверное, ничего, – сказала Катрин. – А может быть, ждать, не вернется ли он снова?
- Он может вернуться?
- Одно время мне снился один и тот же сон, правда, с вариациями, раз сто. Он мне так надоел, что я боялась идти спать.

– И о чем был сон?

Катрин задумалась. Я видел, как в ней борется желание поведать мне правду или, воспользовавшись случаем, удариться в какую-то выдумку.

- Сон был о том, – решила она наконец, – как мы с тобой расстаемся. По моей вине.
- Вот это уже интересно.
- Но в отличие от твоего сна мой – чистая правда.
- Мой сон тоже был чистой правдой.

– Неужели не понимаешь, что твое подсознание боролось с невозможностью объяснить с помощью Дарвина и Тимирязева некоторые свойства твоего организма?

- Значит, свойства существуют?
- Разумеется.
- Это уже шаг вперед. А может, допустить, что я космический подкидыш?

– Есть такая версия, – спокойно ответила Катрин.

Я готов был ее разорвать – еще не хватало, чтобы и она оказалась пришельцем, готовым утащить меня с Земли.

– Не думай, что я – космический странник, – сказала Катрин. – Но сейчас я тебе расскажу мой сон и боюсь, что ты повернешься и уйдешь. А мне этого не хочется.

– Тогда не рассказывай.

– Я должна. Я обязана.

– Ну ладно, Катюша, если тебе не хочется.

– Сон такой: я работаю в Институте экспертизы.

– Нашла чем удивить!

– Но ты ни разу не удосужился спросить, чем мы занимаемся.

– Я знаю. Теорией криминалистики.

– Лучше бы спросил, чем гадать.

– Это секретная фирма.

– Настолько, насколько идиотов не пускают внутрь, чтобы они не сломали ценные часики.

– Значит, тебе рекомендовали познакомиться с космическим уродом? – догадался я. И мне стало грустно. Лучше бы я улетел.

– Рекомендовали, – сказала Катрин.

Чего ей стоило промолчать!

– Больше можешь ничего не говорить, – сказал я.

Катрин не стала возражать. Она смотрела на дождь, а я видел ее четкий профиль. Мне было видно, как блестят ее глаза, словно она собиралась разреветься.

– С моей склонностью к анализу... – начал я.

– С твоей чертовой склонностью все препарировать, словно перед тобой не люди, а бабочки!

– На этот раз в роли бабочки выступаю я. И мне, признаюсь, грустно. Потому что, если бы на твоем месте сидел некий гражданин Кошкин, я бы повернулся, ушел и забыл бы о Кошкине. А ты меня обидела.

– Честное слово, Гарик, я и не подозревала, что из этого выйдет. И если ты постарайся потерпеть немного, я расскажу тебе то, что знаю сама. Может, этого недостаточно, но по крайней мере ты будешь знать, какая роль в этом отведена мне.

– Господи, – сказал я, – капуччино здесь без сахара!

– А ты размешай.

– Не выношу капуччино.

– Тогда закажи себе водки.

– Ты лучше расскажи мне. Если это, конечно, сон.

– Конечно, сон! – Катрин облегченно улыбнулась. Больше всего на свете она боялась, когда я терял чувство юмора. Это было событием редким, но катастрофическим.

– Не тяни, я умираю, так хочу узнать, что вы обо мне знаете. То же, что мой гость? Или меньше?

– Ни черта мы о тебе не знаем! – призналась Катрин. – А как ты думаешь, дождик кончается?

Уголки ее полных розовых губ дрогнули.

– Только договорились – без слез, – сказал я. – Меня ведь обижает не то, что за мной кто-то наблюдает. За Пушкиным тоже наблюдало Третье отделение. Мне обидно, что некто изображает при этом нежные чувства и целуется со мной в подъезде, что я считаю более высоким проявлением любви, чем краткое свидание в квартире подруги Нелли.

– У меня нет подруги Нелли, – возразила Катрин.

– Тогда расскажи мне о подруге, которая велела тебе изображать чувства к отвратительному тебе существу!

– Ну, честное слово, честное-пречестное слово, я к тебе так отношусь... так отношусь, что ты просто глупый идиот, который не хочет ничего замечать! Если бы ты сказал, чтобы я поехала с тобой к подруге Нелли...

– Только не перегибай палку. Опошлить можно все, включая чувства. А склеить уже ничего нельзя. Так что, поплакав над черепками, расскажем жертве о тех ловушках, в которые она угодила.

– О каких ловушках?

– О твоих прекрасных синих глазах и твоих тонких щиколотках, о твоей высокой груди и очень красивых ушах...

– Гарик, мне нельзя этого рассказывать. Я нарушаю правила.

– Тогда не рассказывай.

– Я не расскажу, и ты улетишь на свою планету.

– Значит, в самом деле это не сон?

– Может быть, и не сон.

– Чем занимается твой институт?

– Всем на свете, – сказала Катрин.

– Чудесное объяснение! И что же вы можете сказать о падении популяции леммингов в Северной Норвегии?

– Если падение популяции вызвано необъяснимыми причинами, наш институт направит туда экспедицию или хотя бы одного специалиста.

– Точнее!

– А точнее – наш институт имеет дело с вещами, людьми и проблемами, которым нет разумного объяснения. И ищет им разумное объяснение.

– При чем тут я?

– Зачем задавать вопрос, если ты знаешь на него ответ? – спросила Катрин, взглянув наконец на меня. Глаза ее были глубоки и печальны.

– Какой ответ? – настаивал я.

– Наш институт получил сигнал о том, что в аспирантуре при Государственном историческом музее, в отделе археологии, трудится молодой человек, который обнаруживает странные способности. Настолько странные, что они были замечены его друзьями, и друзья рассказали о них знакомым, а знакомые своим женам, а их жены – своим приятельницам, а у одной из приятельниц муж трудится в нашем институте... До сих пор значительная часть информации попадает к нам таким вот первобытным путем.

– И тебя послали знакомиться со мной?

– С тобой не надо было знакомиться, – возразила Катрин. – При виде меня ты кинулся на бедную девушку, как птеродактиль на питекантропа.

– Никогда не видел, как птеродактили кидаются на добычу, но помню тебя на дне рождения Крогиуса. Это он про меня сообщил куда надо?

– Куда надо про тебя, насколько мне известно, не сообщали. Все шло на более низком, любительском уровне.

– И вы доверились информации, полученной таким путем?

– Мы не жалеем сил проверять. Порой открываются любопытные вещи.

– А теперь ты поняла, что исследование закончилось, что все оказалось банальным сном о пришельцах. И прощаешься с подопытным кроликом Юрием Гагариным, названным так в детском доме, потому что он имел счастье родиться в десятилетие героического полета первого космонавта. Знали бы мои крестные, как иронически обернется их предчувствие.

– Как бы мне хотелось так же шутить, как ты, – сказала Катрин. – А я не умею.

– Так плохо, мой следователь?

– Так плохо, потому что я потеряла тебя, мой Гарик. Ты не простишь мне того, что я познакомилась с тобой специально. Что я наблюдала за тобой.

– Ты наблюдала за мной?

– Все эти недели. С марта месяца.

– Ну и как?

– Гарик, пойми, мне очень плохо!

– Не кавай слезы в капучино. Кто будет допивать эту соленую бурду?

Катрин потянулась ко мне, но стол мешал – он умудрился встать точно между нами. Мне даже не пришлось отстраняться.

– Я, честное слово, очень расстроена. – Катрин старалась найти убедительные слова, чтобы я поверил, что лишь сначала она следила за мной, как за непонятной зверушкой, а потом уже общалась со мной, как с настоящим человеком. Я понимал ее и заранее знал все, что она хочет сказать. Но от этого моя обида на нее не проходила. Именно на нее, а не на идиотский Институт экспертизы, измышление нездорового ума. Институт не может целоваться, а Катрин целовалась сказочно, как самая страстная из десятиклассниц.

– Значит, сначала ты изучала, а потом заинтересовалась? – сказал я.

– Ты можешь издеваться надо мной сколько хочешь...

– Тебе надо было еще несколько недель потерпеть. Может, тогда бы всем это надоело и ты взяла бы расчет в институте... по собственному желанию.

– Я не могла... – Катрин достала платок и высморкалась. Это было неэстетично, но раздражения во мне не вызывало. У нее покраснел кончик носа, что тоже было неэстетично, но умилительно. – Я не могла, потому что завтра я должна привести тебя в институт и познакомиться с нашей завлабораторией. С Калерией Петровной.

– Зачем? Я же не умею стоять на голове.

– Она предложит тебе переходить к нам на работу. Нам позарез нужны полевые сотрудники.

– Это тоже твоя инициатива?

– Я – винтик в машине, которая зовется Институтом экспертизы. Но нашему институту позарез нужны люди со всякими удивительными способностями. Потому что у нас бывают очень сложные экспедиции... и наши ребята даже порой... погибают.

– Значит, наблюдение за мной не прекращается, но изымается из твоего ведения?

– Значит, ты станешь одним из нас.

– Все это глупо, Катька, – сказал я. – И дождик совсем прошел. Пошли погуляем. Допивай свой соленый напиток – и смываемся, не заплатив.

– А как? – заинтересовалась Катрин.

Моральные устои мои рухнули. Одно дело быть равноправным членом общества, молодым ученым, с которым здороваются в коридоре сам директор института Александр Иванович Шкурко. Другое – чувствовать себя поднадзорным существом неизвестного происхождения. Ну откуда у существа такого происхождения могут быть принципы и мораль?

Я поманил к себе мелькнувшего в дверях официанта и показался ему в виде известного своей строгостью с цивильными людьми генерала Лебеда в парадной форме генерал-лейтенанта с орденами на груди, включая казачий крест за войну в Приднестровье, где генерал не воевал, но обеспечивал мир после войны.

– Слушай, парень, – сказал ему Лебедь. – В каких войсках ты служил?

– В пехоте, товарищ генерал-лейтенант, – обрадовался вниманию самого командарма-14 официант. – В семнадцатой отдельной мотострелковой бригаде.

– Вот это лишнее, – сказал генерал-лейтенант. – Всякому постороннему запрещается выдавать сведения военного характера.

– Ну какое же вы постороннее лицо? – удивился официант.

– Ладно, ладно, я не сержусь, – ответил генерал-лейтенант.

– А вы, значит, бумажник дома забыли? – спросил официант.

Такая прозорливость официанта сразила меня в образе генерала. Не знаю, как бы повел себя генерал в такой ситуации, но я грозно проревел:

– Это еще что за шутки?

И тут же заплатил за двоих и даже потребовал сдачу, потому что должен быть порядок в мотострелковых войсках!

Катрин отсмеялась на узкой аллее и остановилась, обернувшись ко мне. Ветки деревьев распрямлялись и сбрасывали на нас грозди капель.

– Ты уже не сердишься? – с надеждой спросила она.

– Я и не сердился, – ответил я. Такой ответ можно было трактовать двояко. Скорее всего он был аналогичен старинному «Бог простит», что означало «Пока не будет соответствующего указания свыше, нет тебе прощения».

– Но ведь я совершенно не знала тебя, – сказала Катрин, глядя под ноги и обходя лужи, чтобы не замочить ноги. – Мне сказали просто: ознакомься с исходными, есть один странный парень, может быть, «чайник», а может, и в самом деле – по нашей части.

– По вашей части?

– Ну ты же понимаешь! Это значит, что в тебе есть некие свойства, которые явно отличают тебя от остальных людей. Мне предстояло узнать, существуют ли эти качества или придуманы сплетниками. А если есть, откуда они?

– Откуда же?

Катрин остановилась и обернулась ко мне. Ее глаза были совсем близко. Мне всегда казалось, что в них отражается небо, даже если она смотрела на красную стенку.

– Ты сегодня аккуратно положил последний кирпичик в стену, – сказала она, – рассказав о своем сне.

– Ты в него поверила?

– Я вообще неверующий человек, – ответила Катрин. – Вера и наука редко совместимы. Я проверяю, а потом сомневаюсь снова.

– Чудесное правило, мистер Дарвин, – согласился я. – Но если бы ты знала, как противно ощущать, что ты – лишь объект для наблюдений!

– Гарик!

– В чем я не прав?

– Когда я узнала тебя, когда я узнала, что ты... вот такой, я стала мучиться. Меня утешало лишь то, что все твои странности были легко объяснимы, ничего в них особенного не было. И я тебе честно скажу – до последних дней я надеялась, что все обойдется и я даже не стану докладывать о тебе. Скажу, что ты не представляешь интереса ни для кого, кроме меня.

Она снова шла рядом со мной, но уже не глядела под ноги и влетела в лужу, подняв столбик воды.

Я не успел подхватить ее, хотя обычно в таких случаях моя реакция быстрее, чем реакция среднего кавалера, и я всегда успевал вытаскивать Катрин из луж, ям и из-под машин.

– Когда ты вчера попрощался со мной, я стояла в подъезде у окошка и смотрела тебе вслед. А ты не знал, что за тобой следят. И даже не думал о том, как идешь. И через несколько шагов ты взлетел в воздух и пошел по воздуху – ты летел, думая, что идешь! Это меня ужаснуло!

– Нет, я шел!

– Ты думал о чем-то...

– О тебе, конечно!

– Ты глубоко задумался.

– Разумеется.

– А сегодня ты рассказываешь мне о своем сне, причем и сам не веришь в то, что это сон.

– А ты?

Мы шли некоторое время молча. Я был встревожен, встревожен неприятно, как человек, которому то ли в шутку, то ли всерьез предсказали, что ему суждено умереть от рака. Мне так хотелось вернуть жизнь в тот недалекий момент прошлого, когда главной моей заботой была статья, выкованная с Крогиусом, или какой-нибудь каприз Катрин. А оказывается, капризов не было – был холодный расчет исследователя, который дотрагивается проводами под напряжением к животу распятой лягушки, и она судорожно дергается, полагая, что это и есть любовный экстаз.

– Мне жаль, – сказал я, – мне жаль, что у нас с тобой больше не будет так, как раньше.

– Мне тоже. И может, еще жальче, потому что я чувствую себя виноватой.

– Чего уж... ты на работе.

– Я тебя почти люблю. И это не имеет отношения к работе.

– Не люблю я ваших «почти».

– Мальчики первые объясняются в любви. Но боюсь, что я этого уже не дождусь.

Я промолчал.

– Я хочу, чтобы ты приехал к нам в институт, – сказала Катрин. – Тебе у нас понравится.

– Зачем мне к вам ехать? Чтобы вы сняли с меня шкурку?

Катрин ответила не сразу.

– Ты не любишь говорить серьезно, – сказала она наконец. – Но иногда приходится вылезать из своей раковины. Я не знаю, будут ли они, твои соотечественники, предпринимать новые попытки тебя умыкнуть. Мы этого не знаем. Но я убеждена, что тебе лучше наладить контакт с нашей фирмой. По крайней мере мы знаем о тебе больше всех, и мы хотим тебе добра. Единственное, о чем я тебя прошу, – встретиться с Калерией и поговорить с ней. Она – лапочка.

– Это специальность или должность?

– Это призвание.

– А сколько ей лет?

– Ей уже скоро сорок, но ты в нее, к сожалению, влюбишься.

– Почему? Она красива?

– Не в этом дело. Но лучше бы ты продолжал хорошо относиться ко мне.

Мне стало смешно.

– Можно подумать, что все уже решено – я выбираю между перспективой стать космическим странником или институтом, в котором работает одна моя знакомая. В пользу института. Завтра я вхожу туда в роли младшего научного кролика и влюбляюсь без памяти в заведующую сектором. Или в завлаба?

– У тебя нет выбора, – решительно заявила Катрин. – Ведь на самом деле ты – отрезанный ломоть. Тебе страшно отправиться в твой сон, если он, конечно, не сон.

– Страшно?

– Конечно! Ты же привык быть первым павианом в стае – там окажешься самым махоньким и хроменьким. И достанется тебе хроменькая макака.

– Катрин, ваши шутки переходят все возможные границы!

– А я почти и не шучу. Поедем к нам в институт?

– Нет, нет и еще раз нет!

– Значит, ты на меня уже не так злишься?

– Ты намертво лишена логики.

– Ты недоволен?

– Ты же знаешь, что я зол, оскорблен и к тому же, честное слово, растерян. Оказывается, многие люди на Земле и в космосе знают обо мне больше, чем я сам. Кстати, а тебе не приходило в голову, что я могу оказаться инопланетным монстром?

– Меньше надо видео крутить, – заметила Катрин. – Значит, ты не идешь?
– Ни в коем случае!

Через две недели Нечипоренко опубликовал наши данные, получился скандал, Крогиус остался, а я подал заявление об уходе.

Институт экспертизы выглядел вполне пристойно – некогда там размещался особняк Гиреевых, потомков хана, вывезенного из Золотой Орды либо бежавшего оттуда в ходе родовых свар. От Гиреевых остался герб на фронте центрального трехэтажного корпуса, вернее, не весь герб, а щит, на котором было изображено нечто недостойное великой страны социализма. Недостойное было сбито в период борьбы с недостойностями, а посреди щита появились серп и молот. Фасад главного корпуса выходил на Спасопречистенский переулок, еще вчера – переулок Фабзавуча, а полутораэтажные флигели загибались под прямым углом назад, как руки пловца, занесенные для гребка. В образовавшемся между флигелями дворе росло несколько деревьев, располагалась большая круглая клумба с давно высохшим фонтаном посредине, стоянка для автомобилей, а также небольшая свалка вещей и машин, которые разочаровали исследователей, но вывозить из института их не решились.

Как вы понимаете, все эти подробности, как и многие другие, я узнал не с первого взгляда на институт, а уже потом, когда я шлялся по нему, привыкая и осваиваясь. Но последовательность – не сестра рассказа, она губит неожиданность. Так что я позволю себе в рассказе забежать вперед и оглядываться в нетерпеливом ожидании читателя. Куда же ты запропастился, зайчик?

В небольшом холле, справа от гардероба, за обыкновенным ученическим столом сидел мрачного вида вахтер Матвейч, который пропускал людей в институт либо по знакомству, либо по интуиции, которую он называл жизненным опытом. Когда интуиция молчала, он покидал свой пост и уходил пить пиво. Матвейч покупал пиво в банках, осторожно переливал его в отечественные бутылки, а потом употреблял. Так он унижал западный мир.

Справа от Матвейча шла парадная лестница на второй этаж. Видно, ханы Гиреевы не выносили, чтобы кто-то шагал по лестнице рядом с ними, поэтому лестница была рассчитана на одного толстого человека. Люди расходились на ней, как машины на узком серпантине, – один из них прижимался к стене и втягивал живот. Каждый новый директор (а институтов в этом особняке за годы советской власти сменилось полдюжины) обещал коллективу первым делом расширить лестницу и открыть буфет. Но лестница так и осталась узкой, а ближайший буфет находился за квартал, в Управлении бурых углей.

Лепнина на потолке была выполнена в виде восточного орнамента, а в приемной директора, которая, видимо, была гостиной, сохранилась, несмотря на социальные катаклизмы, люстра, какой не найдешь и в Бахчисарайском дворце.

Остальные помещения выглядели скромно, без затей. Вместо пяти залов и гаремных покоев в правом флигеле, а также общежития для прислуги в левом крыле в институте появилось пятьдесят помещений, пронумерованных и учтенных, размером чуть больше десяти квадратных метров каждое. Ни у кого не поднималась рука поломать перегородки, так как это означало неминуемое сокращение штатов. Если же у тебя пятьдесят помещений, то ты обязан заполнить их научными сотрудниками.

Десятиметровым был даже кабинет всемогущего академика Бенгура, временно исполняющего обязанности директора Института экспертизы. Настоящий его директор доктор Полоный Лепид уже третий год как исчез, что, говорят, входило в долгосрочную программу института. Самое удивительное, что по личному указанию всеведущего Александра Федоровича Андреева ему продолжали начислять зарплату с учетом инфляции, все виды вознаграждений и даже вручили Ломоносовскую медаль, которую получил за доктора академик Бенгур.

Наступил тот первый день, когда мы с Катрин подошли к дверям института на Полянке. На двери висела табличка, сообщавшая о том, что мы стоим у входа в Институт научно-техни-

ческой экспертизы РАН, что не вызывало у прохожих никакого интереса. Впрочем, и я бы в иной день миновал табличку без трепета. Мало ли что положено проверять этому институту?

В холле было прохладно и гулко. Матвеич продрал очи и спросил:

– Ты кого привела, Ольсен?

– К Калерии Петровне, – ответила Катрин.

– Так и запишем, – ответил Матвеич. Но, конечно же, ничего записывать не стал. И нечем, и не на чем. – Калерия у Мироныча, – сказал вахтер.

– Мы подождем.

Катрин шла на шаг сзади и легонько подталкивала меня в спину, чтобы я не сбился с дороги. А сбиться я мог бы, потому что коридор шириной чуть меньше метра извивался вдоль здания, а так как был разгар утра и никто еще не утомился, то десятки сотрудников института спешили по этому коридору, создавая пробки и не всегда улыбаясь при столкновении.

Потом мы уткнулись в дверь с табличкой золотом на черном стекле: «Лаборатория № 16 Т.С.».

В лаборатории Т.С. было две комнаты, в одной сидела девушка Тамара, она вяло тыкала пальчиками по клавишам – на экране компьютера шустро бегали индейцы с томагавками. Тамара сразу в меня влюбилась – видно, понимала толк в мужчинах.

Второй человек мне не обрадовался. Он оказался лаборантом Сашей Добряком, юным джентльменом парикмахерской красоты с черными бакенбардами. Саша Добряк собрался в местную командировку, то есть в «Детский мир», покупать себе велосипед, а в присутствии Катрин он сбежать не смел.

– Гарик будет работать у нас, – сказала Катрин.

– Ой, как хорошо! – сказала влюбленная в меня Тамара.

– А у нас по штатному расписанию единиц нет, – отрезал Добряк.

Остальным про штатное расписание и единицы думать не хотелось.

– Тогда будем пить чай, – сказала Тамара. – Самое время начинать.

– Я буду кофе, – сказал Добряк. – И без сахара.

– Он у нас худеет, – сообщила Тамара.

Добряк был сказочно худ, но оказалось, что он худеет авансом, так как у него плохая наследственность.

Все окружающие посматривали на меня, словно знали, что я вот-вот погибну, но улыбались сдержанно и понимающе – я был не первой жертвой Калерии Петровны.

Надо сказать, что бывают обыкновенные дни, когда Калерия Петровна выглядит просто очаровательной женщиной и роковой опасности для мужчин не представляет. Наоборот, им хочется ее опекать, холить, лелеять и выделять кредиты на лабораторию – самую дорогостоящую лабораторию во всей Академии наук.

Но бывает Один-из-Тех-Дней.

Обычно раз в неделю, ближе к воскресенью.

Катрин, зная об этом, привела меня именно в такой день.

Катрин с Тамарой накрывали на столик, занимавший четверть площади выгородки завлаба. Добряк вяло развлекал меня разговорами о футболе. Разговор все время прерывался. Мои новые знакомые смотрели на дверь, затем обращали взоры ко мне, словно хотели сказать нечто важное, будто хотели предупредить меня – беги, но в последний момент сдерживались.

Впрочем, я мог ложно истолковать эти взоры и вздохи. Состояние мое было нервным.

– Ничего в ней особенного нет, – сказал Добряк. – Завлаб как завлаб.

И окружающие согласно закивали.

И тут дверь резко распахнулась, и в ней, словно в драгоценной раме, оглядывая нас быстрым взглядом, остановилась женщина средних лет, среднего роста, сероглазая, русая, формально обыкновенная.

Но это был Один-из-Тех-Дней.

И я погиб.

У меня возникло желание тут же рухнуть на колени и возопить:

«Госпожа моя, прекраснейшая из женщин Вселенной! Умоляю тебя, владей моим сердцем и душой, владей моими поступками и желаниями, ибо цель моей мелкой жизни, смысл ее заключается в том, чтобы стать твоим послушным рабом и исполнять твои самые нелепые капризы».

– Вы – Гарик Гагарин! – произнесла Калерия Петровна низким, полным внутреннего звона голосом. – Мне о вас много рассказывала Катрин. Ну как, надумали у нас поработать?

– Конечно, Калерия Петровна, – ответил я. – В руководимой вами... вашей лаборатории. Только платить мне не надо...

– А я много платить и не смогу, – ответила Калерия Петровна и рассмеялась.

Остальные тоже смеялись.

Серебро, которое звенело в голосе Калерии, принадлежало английскому герцогскому сервису.

Калерия Петровна обнаружила свои способности в восьмом классе средней школы, когда, к негодованию таких школьных звезд, как Алиса Шарапова и Тамарка Петкова, внимание всех подростков было обращено к ней. Но следует признать, что она вызывала чувства возвышенные, добрые и нежные, так что даже ее собственные родители ни о чем не догадывались, пока из ревности чуть было не отравила Людмила Н. из соседнего класса.

Следует отдать Калерии должное – она старалась не привлекать внимания мальчиков и мужчин и рано вышла замуж за молодого человека, который отличался от остальных юношей тем, что почти не обращал на Леру внимания.

С возрастом таинственное качество – способность очаровать любого мужчину куда стремительней шемаханской царицы – лишь усиливалось. Наконец ею заинтересовались психологи, а затем Леру пригласили в Институт экспертизы, где ее изучал, и безуспешно притом, сам доктор Полоний Лепид. Затем он пригласил ее в институт на работу. И Калерия, будучи женщиной решительной и неглупой, в несколько лет прошла путь от младшего научного сотрудника до завлаба и доктора биологии.

Лаборатория занималась Тупиковыми Ситуациями. То есть ей доставались проблемы, от которых отказались все остальные отделы и лаборатории института. Процент провалов в работе Калерии и ее сподвижников был высок, зато и достижения, если случались, были невероятны.

Так что я был не первым уродом, которого позвали в институт, чтобы находился под рукой.

Разумно.

Но я не знал, что кроме меня в институте трудится целый коллектив людей и нелюдей, которые не укладываются в нормы, придуманные для «сапиенсов».

В тот момент я мечтал только об одном – чтобы меня взяли на работу в лабораторию Калерии Петровны.

– Конченный человек, – отозвался обо мне Добряк.

– Может быть, я его убью, – сказала негромко Катрин.

– Ты его никогда не убьешь, – ответила Калерия и протянула мне узкую жесткую ладонь. – Калерия Петровна, заведующая лабораторией. Гожусь вам...

– В старшие сестры, – подсказала Тамара. – Гарику двадцать семь, а вам тридцать шесть.

– Пока тридцать пять, – поправила ее Калерия Петровна, у которой тоже были маленькие слабости.

– Я хотел бы работать в вашей лаборатории, – сказал моими устами Гарик. – Я родом из детдома, ничто меня к жизни не привязывает. Так что можете рассчитывать на меня...

– Он хочет, чтобы мы заменили ему семью, – сказал Добряк, саркастически улыбаясь.

– Я провожу Гарика в отдел кадров, – сказала Тамара. – Чтобы Катрин по дороге не выцарапала ему глаза.

Они смеялись, я им казался забавен.

Но с того дня я, честный советский инопланетянин и рядовой дезертир-археолог, стал полевым сотрудником лаборатории Тупиковых Ситуаций Института экспертизы Российской академии наук.

Я могу рассказать немало интересного о первых моих месяцах в институте. Если отыщу в себе талант новеллиста. Девяносто процентов дел, которые мы расследуем, оказываются на поверку чепухой, девять процентов достойны лишь краткой новеллы, и даже не по научной значимости дела, а по человеческим отношениям, открывающимся во время расследования. Лишь один процент – раз в год, раз в три года – оказывается достоин романа.

С романом, который чуть не стоил мне жизни и унес с собой жизни многих людей, я столкнулся через семь месяцев после прихода в нашу лабораторию. А до того участвовал в трех расследованиях, из которых одно стоит новеллы, а два других недостойны упоминания в анналах.

Новелла, которую я мог бы написать, касалась письма из поселка Каруй Вологодской области, где сообщалось, что у них там приземлился беспилотный космический корабль явно неземного происхождения. Так как письмо показалось беспредметной шуткой, позвонили в тамошний руководящий орган – не помню уж, как он назывался, но каруйское руководство начало темнить, не отрицая факта, и доказывало, что сам по себе он не стоит упоминания. Наконец каруйцы признались, что корабль на самом деле приземлялся, был взят под охрану милицией, а потом отправлен в область, потому что был небольшого размера и помещался в кузове «КамАЗа». С Иваном Дмитриевым из космического отдела мы поехали на поезде в Каруй и отыскиали там свидетелей космического чуда, уверенных в том, что чуждый посланец инопланетного разума уже давно разобран на винтики в Академии наук, потому что эта Москва все лучшее берет себе.

Мне понравился Каруй и тамошний народ – серьезный, неторопливый, верящий в то, что небо бесконечно, а на Марсе тоже живут люди. Москву каруйцы не любили с XV века, когда она начала завоевывать каруйские земли и устанавливать налоги.

Нам с Иваном показали воронку на месте падения космического корабля, познакомили с милыми очевидцами – собирателями рыжиков, рассказали, как из Каруя шли настойчивые письма с просьбами забрать у них космический корабль, который принесет большую пользу национальной науке. Но ответа не дождались.

Потом едва не получилась трагедия. Каким-то чудом одно из писем достигло Японии, и японцы прислали свою делегацию с массой йен и подъемных кранов, чтобы увезти бесхозный корабль, утверждая даже, что он был ими и запущен. Японцев погубило то, что они не сообразили поменять йены на доллары еще до отъезда с родины. А никого подкупить на непонятные йены в городе не удалось. Тем временем в опасении других иностранных вторжений корабль отвезли на грузовике до Пьяного Бора, откуда на железнодорожной платформе отправили в Вологду.

Мы с Иваном поехали в Вологду. Вологда была реставрирована для иностранных туристов, на Сухоне стояли декоративные парходики, набережная на той стороне светилась реставрационными красками. Никаких следов корабля мы не отыскивали.

Не буду отнимать у вас время. Но скажу лишь, что по туманным наводкам, которым можно было верить, а можно и не верить, мы побывали в Котласе, потом в Архангельске и даже в Инте. Корабль был похож на нужного тебе человека, который только что был, «чай с нами пил», да вот вышел, а куда – неизвестно.

В общем, наш поход занял три недели, мы загорели, испортили себе желудки столовой пищей, но корабля так и не нашли. У нас были его рисунки, сделанные по памяти местными юными художниками, несколько любительских фотографий, на которых перед кораблем или вокруг него стояли толпами местные жители, отчего рассмотреть корабль в деталях было невозможно.

Но в целом материалов оказалось достаточно, чтобы ребята из конструкторского бюро нашего института сделали модель корабля и даже на основе ее смогли доказать, что скорость у корабля была невероятной, а сделан он был далеко за пределами Солнечной системы.

Три генерал-лейтенанта космической службы и шесть капитанов при них долго вздыхали и обещали институту сказочные дотации. Нам все обещают сказочные дотации, пока не доходит дело до выплаты. Тогда дотации исчезают.

А потом, еще дня через три, мы стояли и курили во дворе, в той его части, где свалены железки и прочие неудавшиеся гениальные приборы и вечные двигатели. Среди этих предметов была известная нам и не очень удобная скамейка синего металла с высокой прямой спинкой.

Иван с Саней и Борькой Коганом из компьютерного обеспечения травили анекдоты, а я стоял в сторонке и думал, что же мне эта скамейка напоминает. Потом я догадался, что если склонить голову так, чтобы она располагалась горизонтально, то вместо скамейки увидишь тот самый космический корабль. Я об этом сказал ребятам, они посмеялись надо мной, но поставили скамейку на попа – и в самом деле получился тот самый космический корабль.

К вечеру об этом знал не только институт, но и вся научная общественность Москвы. К сожалению, за три месяца, пока корабль неизвестными нам путями добирался до института, чтобы занять место на курилке, он был выпотрошен до звенящей пустоты.

Но все равно примчавшимся вновь генералам и капитанам корабль был интересен – сплавом, пропорциями и черт знает чем. Корабль от нас увезли, а Борька Коган из компьютерного обеспечения до сих пор клянется, что железяка на курилке стояла три года, тогда как корабль в Каруе упал лишь этой весной.

Я рассказал об этом, чтобы показать, сколько еще в природе неразгаданных тайн и подобных глупостей.

А теперь пора переходить к первому визиту полковника Миши, с которым мне еще не раз придется в жизни встретиться.

Часть I

ГАРИК ГАГАРИН

Я до сих пор совершенно не уверен, что Мишу зовут Мишей, что он на самом деле скромный милицейский полковник, я даже не знаю, похож ли он внешне на того Мишу, который возвращается со службы домой и садится ужинать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Кроме одного – у полковника Миши нет чувства юмора, вернее, оно у него спрятано так далеко, как солончатая вода в пустынном каракумском колодце: копай – не докопаешься.

Мы с Катрин пили кофе и мирно беседовали о незначительных вещах. За открытым окном надрывался кран, грузивший на трейлер случайно обретенный космический корабль.

Прошедшие месяцы не сблизили нас. Нет, мы не расстались совсем, мы несколько раз ходили вдвоем в захаровский театр, на Майкла Джексона, на выставку Шемякина, в китайский ресторан... Катрин говорит, что я не смог простить ей того, что она выполняла задание, общаясь со мной. Разумеется, все не так просто. Вернее, мы стали сотрудниками, и, если роман продолжать, он станет романом служебным, а это, согласитесь, вносит в него элемент банальности. Конечно, Катрин мне очень нравится. Порой безумно нравится...

Открылась дверь, и в лабораторию заглянул высокий худой человек со скучным лицом. Волосы у него были зачесаны назад слишком правильно, нос был великоват, чуть нависал над верхней губой, но не более чем допустимо. Глаза у него были невыразительного серого цвета, в тон костюму. На вид этому человеку было лет сорок – сорок пять. Если бы я встретил его на улице через полчаса, то ни за что бы не узнал.

– Здравствуйте, – сказал человек. – Калерия Петровна не приходила?

– Она у шефа, Михаил Степанович, – сказала Катрин, улыбаясь человеку как хорошему знакомому. – Кофе будете?

Человек кивнул и уткнулся в меня зрачками. Это был неприятный взгляд, какой бывает у кобры, перед тем как она решила воткнуть в вас ядовитые зубы. Узкие губы шевельнулись, и слова прозвучали как при неточном дубляже.

– У вас новый сотрудник? Мне кофе, пожалуйста, и один кусочек сахара.

Он протянул мне широкую теплую ладонь и представился:

– Михаил.

– Юрий, – ответил я. – Но как-то неловко...

– Гарик, не говорите мне о разнице в возрасте, – ответил гость и уселся за стол. – Я не люблю отчеств. Не потому, что преклоняюсь перед Западом в такой отвратительной форме, а потому, что взаимное величание неэкономно и требует запоминать массу лишних слов.

Вот тогда я впервые подумал, что у него все же есть чувство юмора, но очень глубоко запрятанное. Недаром он дал понять, что изучил мою биографию перед визитом. Он знал, что меня зовут Гарик.

Катрин положила в чашку Мише четыре куска сахара. Он видел это и не возразил.

Но потом заметил мое удивление и сказал:

– Катрин знает мои вкусы лучше меня самого. Я порой забываю о своих привычках.

Странно. Я здесь уже три месяца, а ни разу не встречал этого посетителя.

– У нас проблемы? – спросила Катрин.

– Как всегда.

Миша отпивал кофе маленькими аккуратными глотками, наверное, оно капало ему в желудок.

– Что дали последние исследования? – Он обратился ко мне.

– Какие исследования?

– Вашего организма, Гарик.

– Разумеется, ничего не дали, – ответил я грубо. Мне было неприятно, что какой-то чужой чекист имеет наглость при Катрин обсуждать особенности моего организма. Ну а если бы что-нибудь оказалось не как у людей – Мише до этого какое дело?

– Не сердись, Гарик, – сказал Миша. – Я по специальности сыщик. Мне интересно все, что происходит в этом институте.

– В институте, но не в сотрудниках, – уточнил я.

Пришла Калерия и прервала наш разговор.

– Миша, – спросила она с порога, – что-нибудь серьезное?

– Почему ты так думаешь? Я просто проезжал мимо.

– Когда ты позвонил мне, у тебя был особенный голос, – сказала Калерия. – И не надо рассказывать, как ты стосковался по мне.

– Надо поговорить, – признался Миша. – Пойдем к тебе?

– Бессмысленно. Перегородки у нас тонкие, Катрин с Гариком все равно услышат. Ты познакомился с Гариком?

Миша кивнул, я кивнул. Но Калерия сочла нужным все же представить нас друг другу:

– Полковник Михаил Порецкий. Сыщик. Я правильно назвала твою редкую специальность?

– Правильно.

– А это Гарик Гагарин – наш относительно новый сотрудник. Уже успел отличиться. Участвовал в поисках космического корабля. Нашел его во дворе института. К тому же ты знаешь – у меня нет секретов от моих людей. За пределами института они будут молчать.

– Исключая Тамару.

– Ты недооцениваешь Тамару, – сказала Калерия. – Мне чашку без сахара.

Она уселась за стол.

Из-за чужого человека в лаборатории было тесно.

– Начинай, Миша, – сказала Калерия Петровна. – Вряд ли у тебя много свободного времени.

– О том, что я пришел к тебе, никто в моей фирме не знает, – неожиданно сообщил нам Миша. – Там усомнились бы в моем психическом состоянии.

– Уже интересно, – сказала Калерия. – Похоже, что ты пришел по адресу.

– Мы никогда не смеемся над болезными, – сказала Катрин, и я понял, что она давно и близко знакома с полковником Мишей, что мне не понравилось.

– Но если вы согласитесь сотрудничать, – продолжал Миша, походя улыбнувшись Катрин, – то я поставлю командование в известность.

Руки у Миши лежали на столе неподвижно. Полежат-полежат, поднимут осторожно чашечку, поднесут ко рту, потом поставят чашку на блюдце и снова улягутся на стол.

– Как вы знаете, – сказал полковник Миша, – в последнее время пропадает много людей.

Никто не удивился. Миша вздохнул, словно ожидал другой реакции.

– Пропадают десятки тысяч людей. Их можно разделить на категории. Категория первая – старики, находящиеся в склерозе. Они замерзают, тонут, умирают в лесу... это всегда есть и будет. Надо лучше охранять родителей и строить побольше приличных домов для престарелых. Правильно?

Все мы согласились, что правильно.

– Вторая категория – жертвы ограбления или изнасилования. Объяснять не буду – откройте газету, и все станет ясно. Третья категория – это те, кто не входит в первые две категории. И речь пойдет о третьей категории.

«Он классический зануда, – подумал я. – Неужели никто этого не замечает?»

– С развалом Советского Союза, с увеличением числа беженцев и возникновением локальных конфликтов исчезновение людей в расцвете лет стало массовым явлением. Причин тому много: от бандитизма до наемничества, до проживания под чужими документами или ухода за границу. Вам все ясно?

Нашим молчанием он был удовлетворен.

– Но на все есть своя статистика. Мы примерно знаем и даже можем предсказать, когда и откуда исчезнут люди, какой они составят процент от населения, включая пенсионеров. Мы знаем, что такой статистике свойственна динамика. То есть тот или иной процент пять лет назад был ниже, чем сегодня.

– Миша, дорогой, – сказала Калерия Петровна. – Давай завершим вступительную часть и перейдем к делу. Ведь ты пришел сюда не просвещать нас, а просить о помощи?

– Я пришел к вам посоветоваться, – поправил ее Миша.

– Тогда переходи к делу.

Миша глубоко и даже как-то обиженно вздохнул. Он не любил, когда ему указывали, что надо делать.

– Исчезновение людей определенной категории нарушает законы статистики, – сообщил он и вновь поднес к губам чашечку.

– Какую категорию ты имеешь в виду? – спросила Калерия.

– Сексуальный маньяк! – подсказала Тамара, которая незаметно вошла в комнату и стояла, прижавшись спиной к двери. – Он уничтожает нас во цвете лет.

– Тмарочка, – сказала Калерия. – Или мы с тобой молчим, или ты уходишь на урок английского языка. Он начался в шестнадцатой комнате три минуты назад.

У Калерии есть отвратительное качество – она всегда в курсе всех наших прегрешений и ошибок.

– Я тихо, – сказала Тамара. – Здравствуйте, дядя Миша.

Полковник улыбнулся губами, не потому, что ему было смешно, скорее – забавно. Оценивать забавность ситуации можно и без чувства юмора.

– Пропадают без вести большей частью молодые люди, обычно холостые или одинокие с почти обязательным условием: они прошли какую-то войну – афганскую, чеченскую, приднестровскую, – но прошли.

– Они едут еще на какую-то войну, – сказала Катрин.

– Значит ли это, – спросила Калерия, – что вас беспокоит негласный отток ветеранов, потому что вы опасаетесь нового и еще неизвестно где зреющего вооруженного конфликта?

– Нет, – сказал Миша. – Это мы проверили.

– Объясни подробнее, – попросила Калерия.

– Допустим, – сказал Миша, – что в... ну где же, где?

– В Абхазии, – подсказала Тамара.

– В Нагорном Карабахе, – не воспользовался подсказкой Миша, – готовится новая война, и в Россию приезжают вербовщики, чтобы набирать людей.

– Они могут обойтись и без вербовщиков, – сказала Катрин. – Они могут использовать посредников – казаков, всякие там ветеранские организации.

– Вот именно! – обрадовался Миша. – Мы тоже так предположили. Но ничего из этого не вышло.

Мы молчали. Миша завладел нашим вниманием и, понимая это, держал паузу.

– Схема исчезновения людей, назовем их условно ветеранами, не подходит к стандартным схемам, не укладывается в них. Началось с того, что мы получили сигнал об исчезновении всех или почти всех холостых и одиноких ветеранов в одном районном центре. А таких набегало человек шестьдесят. Представляете? В один прекрасный день в городе исчезают шестьдесят человек, в основном молодых, заметных. И ни записки, ни свидетеля, ни следа, ничего!

– И все же не исключена случайность, – сказала Калерия.

– Да мы зачесались только после четвертого сигнала! – принял удар полковник Миша. – Когда в четвертом подряд небольшом городе произошло совершенно адекватное событие, мы послали туда людей. И люди вернулись ни с чем. А затем все это случилось снова. Словно корова языком слизнула!

– До сих пор никто из журналистов не докопался? – спросила Калерия.

– Одна девица с НТВ почуяла неладное, мы с ней договорились – она нам не мешает, а мы ей гарантируем первую реальную информацию. Но мы не знаем, сколько она еще будет молчать. Она же журналистка, это специфические люди.

И стало ясно, что слово «специфический» в лексиконе полковника относится к числу бранных.

– Когда это началось? – спросила Калерия.

– Четыре месяца назад, – ответил Миша. – Ты магнитофон не трогай, мало ли какой слесарь его случайно включит. У меня сможете просмотреть все материалы.

– К нам чужие слесари не ходят, – сказала Тамара с сожалением, – у нас охрана.

– Я сквозь эту охрану танк вынесу, – сказал Миша.

– У нас нет танка! – оценила шутку Тамара и приятно засмеялась.

– А какова механика исчезновения? – спросила Калерия.

– Не понял.

– Пропадают ли они в течение недели или одновременно из своих домов? Может, идут в кино и из зала больше не выходят или, наконец, все вместе садятся в пригородный поезд?

– Последнее вероятней всего, – сказал Миша. – Во всех четырех случаях ветераны... кандидаты на исчезновение собирались вместе. На собрание, на прогулку.

– Они специально одевались для этого? Брали с собой рюкзаки, чемоданы?

– Ничего подобного! В этом и заключается основная загадка. Давай мы с тобой, Лера, как разумные жители нашей сумасшедшей страны, предположим самое реальное решение загадки: наших ветеранов, одиноких, малосемейных, не нашедших места в мирной жизни, некто соблазняет поездкой в Бурунди или Перу. Зная человеческую натуру, мы предположим, что кандидаты будут уезжать в пункт сбора поодиночке, возьмут с собой по сумке или чемодану, наверняка кто-то из них пропьет полученный аванс и проговорится знакомой девушке или собутыльнику. Другого мы случайно задержим на таможне, а третий просто передумает... Не может быть, чтобы часть населения четырех городов исчезла без следа, не взяв с собой бритву, запасных рубашек или кроссовок.

– Их убили, – сказала Тамара. – Их достал Достоевский с топором.

Образование свое Тамара черпала не из школьной программы, а скорее у экрана телевизора. Кое-что смешалось в ее хорошенькой головке, а это приводит порой к комическим эффектам.

– Лично Достоевский? – серьезно спросил Миша.

– Я в переносном смысле! – спохватилась Тамара. – Главное, что они мешали Чубайсу.

– А он тут при чем?

– Он разворовал страну вместо приватизации, – сообщила Тамара фразу, явно подслушанную в транспорте. – И теперь боится справедливого возмездия.

– Хорошо, – сказал Миша, – перерыв на смешки закончен. Поговорим о деле.

– Что вы еще узнали? Например, готовились ли исчезнувшие к этой акции? – спросила Калерия. – Может, кто-то из них продал дом, другой загадочно вел себя с соседкой?

– Проверяли, – сказал Миша. – Ничего не обнаружили.

– Только не смейтесь, – сказала Тамара. – Я как член коллектива имею право на ошибку. Но, может быть, вы читали легенду о том, как один бременский музыкант увел из города сразу всех крыс и детей?

– Они так и шли парочками, – не выдержала Катрин, – девочка и крысочка.

– Не хохочи! Сейчас есть потрясные приборы, они воздействуют тебе на мозг – и ты пошел! У меня есть подруга, Римма, вы ее не знаете. За ней ходил один Фархад. Она – ноль внимания. Тогда он начал воздействовать на ее сознание на расстоянии, из своей гостиницы. И знаете, чем дело кончилось?

– Знаем, – сказал я, – она купила билет и улетела на его историческую родину, где они построили счастливую семью.

– Ты неудачно пошутил, Гарик, – с торжеством сообщила Тамара. – Его зарезали на Коптевском рынке.

Все замолчали, переваривая сложную информацию. Затем Калерия сказала:

– А вы версию с крысоловом проверяли?

– Как ее проверишь? – развел руками Миша.

При нашей тесноте его руки стукнулись об углы шкафов.

– Простите, – сказал Миша шкафам. Шкафы промолчали.

Миша продолжал:

– Беда в том, что до последнего инцидента мое начальство считало, что я выжил из ума.

– И что же случилось?

– В Вязьму мы послали нашего сотрудника. Из афганцев. Он должен был проверить, когда и как это случится.

– Ну и что? – спросила Тамара.

Калерия подняла бровь. Умница. Она уже готова была задать мой вопрос, но почему-то медлила.

– Почему вы послали его именно в Вязьму? – Я не выдержал.

Калерия кивнула, она не сердилась на меня за то, что я полез в пекло поперед мамки.

– Поймите же, Калерия, – он обращался к ней – видно, по чину было так положено, – здесь действует простая арифметика. На первый случай никто не обратил внимания. На второй почти никто не обратил внимания, но у меня есть один въедливый лейтенант, который как раз поехал в Кимры к брату и услышал, какой шум стоит в городе... и утихает за его пределами. Он прискакал ко мне на боевом коне и кричит: «Миха Степанович! Полгорода без вести пропало». Я ему ответил, что так не бывает, потому что так не может быть никогда, – это лучший ответ начальника, если он чего-то не понимает. А мой упрямый лейтенант в нерабочее время стал искать в компьютере информацию о массовых исчезновениях людей примерно одного возраста и пола. Он отыскал аналогичный случай в Талдоме и положил мне на стол. Я, разумеется, отмахнулся. Ну поймите меня – разве не может стать, что в двух русских городах появляются вербовщики и вытаскивают молодцев... или вдруг прошел слух, что в Китае можно хорошо заработать, – да мало ли что может произойти в нашем государстве? Вам интересно?

– Кури, у нас курят, – сказала Калерия.

– Ну вот. – Миша закурил от старого «Ронсона» и захлопнул крышку зажигалки. – Мой лейтенант Коля Полянский стал ждать продолжения. Правда, никто, кроме меня, в управлении о его теории организованного злодейства не знал. И тут пришло известие из Калязина. Вы представляете, где это?

– Верхняя Волга, – сказал я, – чуть ниже Кимр. Талдом тоже в том районе.

– А мой Коля даже провел кривую, соединяющую эти три центра, и попросился у меня в командировку. Благо, что недалеко и недорого. И в Калязине он также не обнаружил следов пропавших людей. А там провалились сквозь землю шестьдесят два человека.

– А в Талдоме, в Кимрах? – спросила Калерия.

– В Талдоме тридцать один человек, – полковник был готов к такому вопросу, – а вот в Кимрах больше всех. Очевидно, около девяноста.

– И в один день?

– В один день.

– И в Москве даже не поднялась паника?

– Поставь себя на место калязинской власти. Разве у них других дел нет, как считать парней? Тем более что мы запустили в компьютер их дела, чтобы найти закономерности, и оказалось, что практически все исчезнувшие одиноки.

– Чего же вы Москвой не занялись? – спросила Тамара. – Увидели бы, что у нас тысячами пропадают.

Полковник игнорировал ремарку:

– Мой Полянский был убежден в том, что здесь есть система. И преступная притом.

– А дальше Полянский сделал предсказание, – предположила Калерия.

– С чего ты так решила?

– Это так просто. У вас есть три точки, у вас есть даты, у вас, наконец, есть событие.

Дядя Миша погасил сигарету.

– В принципе ты права.

– И следующий пункт был Углич? Мышкин? Кашин?

– Кашин, Кашин! – Полковник был недоволен тем, что его загадки так просты для аудитории.

– А дата? – спросила Катрин.

– Дата? – Полковник почему-то принялся чертить пальцем по столу, изображая забывчивого старикашку, а Тамара не выдержала напряжения:

– Неужели вы не послали туда отряд?

– Дата нам была известна лишь приблизительно, – сказал Миша. – А кто даст людей для проверки диких гипотез?

– Хорошо, и чем все это кончилось? Что увидел и узнал лейтенант Полянский?

– К сожалению, на этот вопрос я не могу ответить, – сказал Миша. – Полянский погиб.

– Погиб? Не может быть! – сказала Тамара. – Он же милиционер.

– В ту ночь, когда люди исчезли из Кашина... Полянский утонул в Волге.

– Простите, – произнес я. – В студенческие годы мы ходили на байдарках по Верхней Волге. Я те места неплохо знаю. Кашин стоит не на Волге. Он стоит на Медведице. Правильно? А Медведица впадает в Волгу. И там несколько километров...

– Не Медведица, а Кашинка, – поправил меня полковник. – До Волги от Кашина далеко, и у нас нет никаких оснований связывать смерть Полянского с событиями в Кашине.

– Они его убили, – возразила Тамара, – а потом бросили в Волгу. Обычная манера мафии.

– Никаких следов насилия, – сказал полковник. – Лишь повышенное содержание алкоголя в крови.

– Он пил?

– Не больше, чем мы с вами, Тамарочка, – ответил дядя Миша.

– Значит, изредка, – сказала Тамара.

Полковник снова закурил, потом нарушил общее молчание:

– Больше мне нечего рассказывать.

– Врешь, Миша, – сказала Калерия. – Прежде чем пойти к нам, ты побывал в Кашине, ты перерыл там землю, ты привез с собой экспертов...

– Ничего подобного, – сказал Миша. – С точки зрения элементарного ментовского поведения я так бы себя и вел. И всех спугнул. Поэтому все расследование вели люди из Кашина, я там был, конечно, но инкогнито.

– Если, конечно, у них не было сообщников в милиции, – заметила Катрин, – иначе ваше инкогнито не поможет.

– Там, кажется, курорт? – спросила Калерия.

– Старый среднерусский курорт. Милейшее место. Но сейчас выдохся. Хотя санаторий существует. Там в санатории и отдыхал мой лейтенант по документам инженера-технолога, которому не по карману Канарские острова.

– Он знакомился с окрестностями, как Тургенев, – сказала Тамара.

– И чего ты ждешь? – спросила Калерия.

– Я жду нового факта, – ответил полковник. – Или в Бежецке, или в Меховске. Примерно через две недели. Точные данные у меня в конторе. Я хочу понять, кому и с какой целью понадобились все эти люди. Куда их сманивают? Ну и конечно, я отыщу тех, кто погубил Колю Полянского.

– Ясно. Ты посылаешь своих людей?

– Это мои проблемы, – сказал полковник. – Но мои люди – сыщики и размышляют как сыщики. Это совсем другой тип мышления.

– Значит, два городка... – произнесла Калерия.

– Не совсем так. По мнению нашего компьютера, девяносто два процента за то, что следующий инцидент произойдет в Меховске, шесть – за Бежецк, два – за то, что он не произойдет вообще.

– Замечательно, – сказала Калерия. – Все это очень интересно. Осталось нам узнать всего ничего. Что же привело тебя к нам?

– Нехватка кадров, – сказал Миша.

– Точнее.

– Дай мне на две недели Гарика Гагарина.

– Так я и знала, – вмешалась в разговор Тамара. – Только мужчина мне понравился, как его посылают на верную смерть в Афганистан.

– Это несерьезно, – сказала Калерия. – Гарик работает у нас без году неделя. И к тому же он сам испытываемый.

Я не сдержал вздоха. Диагноз никуда не годился.

– Мне нужны некоторые его качества, – сказал Миша.

– Откуда они тебе известны?

– От верблюда. Ты отлично знаешь, что за вашим институтом мы внимательно наблюдаем. И по мере сил помогаем. Разве не так?

– Но Гарика я не отдам.

– Мне нужен полевой агент, – сказал Миша, – который может воздействовать на психику врага, который, говорят, даже может левитировать. Я правильно произнес?

– У меня не всегда получается, – сказал я.

– Мне нужен свой парень, надежный товарищ, честный человек...

– И это все о нем! – сказала Тамара. – Такого типа я лучше оставлю себе.

– Для вашей работы, – сказала Калерия, – люди готовятся десятилетиями. Вы же ничего не добились. Больше того, твой сотрудник погиб.

– Я не погибну! – сообщил я. Эти слова вырвались из моих уст непроизвольно.

– Он будет не один.

– Но предупреждаю, – сказала Тамара. – Если вы поделитесь с милицией или ФСБ, наш Гарик погибнет без следа. Утонет.

Тамара не хотела, чтобы я утонул. Как приятно.

– Нет, – твердо сказала Калерия. – Гарик и сам не понимает риска, которому вы его подвергаете.

– Мы с этой дамой на «ты» уже десять лет, – сообщил нам полковник Миша. – Видно, она очень на меня сердита. А зря.

– Иди к директору. Посмотрим, что он тебе скажет.

– Я был у вашего директора, – ответил Миша. И тут я увидел, каким он может стать, если захочет. – Директор согласился с моими доводами, но оставил право окончательного решения за тобой и младшим научным сотрудником без степени Гагариным. Директор института отлично понимает, что сложившаяся ситуация, вернее всего, выходит за рамки обычного милицейского расследования. В течение двух месяцев в Средней России пропало бесследно около двухсот человек. Ни один не вернулся, ни один труп не найден, ни одно письмо от них не пришло. Поэтому у нас есть все основания отнести случившееся к разряду необъяснимых явлений. Поэтому я обратился к вам.

– Почему этим не занялись чекисты? – спросила Калерия. – Казалось бы, им и карты в руки.

– Они в курсе дел. Но так как с самого начала этим занялись мы, они не вмешиваются. До поры до времени.

И тогда я понял, что, помимо всего прочего, Мишей руководит уязвленное самолюбие. И к нам он пришел, потому что почуял, что дело вот-вот отнимет ФСБ. А у него, у Миши, свои счеты с вербовщиками или похитителями – ему надо рассчитаться с ними за лейтенанта Полянского.

– Допустим, Калерия, – продолжал полковник, – что мы столкнулись с каким-то явлением не только всероссийского, но и международного масштаба. И организация, которая может таким образом организовать исчезновение людей, достаточно сильна, чтобы угрожать всем. И всей нашей стране.

– Вернее всего, ты преувеличиваешь.

– А ты включи воображение, Лера. Подумай, что может произойти завтра.

– Может и не произойти. – Калерия упрямылась. Я такой ее еще не видел. Неужели она в самом деле боится за меня?

– Если не произойдет, то твой сотрудник возвратится через две-три недели и приступит к исполнению своих обязанностей. В целостности и сохранности, отдохнувший на свежем воздухе.

– Калерия Петровна, – сказал я. – Мне очень хочется провести две-три недели на свежем воздухе и помочь родной милиции.

– Ты еще мальчишка, Гарик, – отрезала Калерия. Она вновь обернулась к полковнику: – А какую роль вы ему придумали?

– Мы обсудим это с ним. У меня.

– Почему не здесь?

– Наша беседа будет совершенно конфиденциальной.

– Ты не доверяешь даже нам? – удивилась Калерия.

– Он недобитый бериевец, – констатировала Тамара. – Столько лет скрывался.

– Тамара! – оборвала ее Калерия.

– Я всем верю. И тебе, и Кате, и Тамаре с ее слишком длинным языком, – ответил Миша. – Но я не хочу повторять ошибок. Кто-то узнал о поездке Полянского. Где? В Москве? В моем управлении? В Кашине? Я ручаюсь тебе, Лера, что о том, с кем работает Гарик, кроме меня будет известно лишь моему начальнику. Но ему не надо знать настоящего имени Гарика.

Мы встретились с полковником Мишей на его секретной квартире. На такой, что фигурируют в романах о КГБ или М-5. Он дал мне адрес и время. Простой девятиэтажный дом. Башня. На Пресне. Внизу воняет из-за сломанного мусоропровода, на синей масляной краске лестничных стенок – граффити – переписка местной молодежи с сообщениями, кто кого любит, а кто кого хочет, а также названия неизвестных мне групп. Толстая струя черного распылителя поверх этих скромных надписей сообщала: «Лебеда в президенты!» Лампочка в лифте была выбита, и мне пришлось ощупью искать кнопку седьмого этажа.

Полковник Миша был в тренировочном костюме и шлепанцах.

– Вы в самом деле здесь живете? – спросил я.

– К счастью, нет, – сказал тот, проводя меня в однокомнатную стандартную квартирку. – Посидим на кухне, я кофе приготовил.

Кофе он готовил славно. Обычно полковники этого делать не умеют. А он умел.

– Как мне показалось, – сказал Миша, – вы не возражаете против командировки?

– Не возражаю, – согласился я.

– Я надеялся на это. Но... – он поднял указательный палец, – нужно, чтобы вы... можно я вас на «ты» буду называть?

– Разумеется, а то мне даже неловко.

– Отлично. Но ты мне будешь нужен только при одном условии – если ты сможешь сделать больше, чем сделали мои сотрудники раньше, и если ты останешься живым.

– Наши интересы совпадают, – сказал я легкомысленно, и полковник нахмурился. Все же у него не было чувства юмора. А может быть, он воспринимал только юмор, направленный сверху. Юмор снизу он полагал фрондой.

Полковник разложил на кухонном столе небольшую схему города Меховска.

– Про историю и так далее говорить не буду – прочтешь в библиотеке. У тебя завтра целый день на сборы, – сказал полковник. – Начнем с тобой ориентироваться на местности. Ты ведь там уже был?

– Нет, – сказал я тупо, – не был.

– Мальчишкой был. Там у тебя двоюродный брат живет. И дядя жил. Вот здесь... ну где эта чертова улица? Вот – улица Желябова. Знаешь, кто такой Желябов?

– Наверное, революционер.

– Мне стыдно за нынешнее поколение. Желябов – народоволец, убийца царей.

– Почему я должен знать про ископаемых террористов?

– Гарик, именами террористов улицы не называют. А у нас в любом областном центре или улица Перовской, или Каляевская. Итак, давай поглядим внимательнее. Старая часть города протянулась вот здесь по высокому левому берегу Мологи. За ручьем... как он называется? Нет названия. А ведь наверняка местные жители его как-то зовут. Вот тут за ручьем лет пятнадцать назад построили десяток четырехэтажных хрущоб. Для текстильной фабрики. На этой фабрике работал твой дядя. Все документы и фотографии вон в той папке, у тебя будет время их изучить. Твой дядя Борис Бенедиктович. Тут дом, тут квартира – теперь живет твой кузен Аркадий. Только слово «кузен» в Меховске не употребляется. Он тебе двоюродный.

– Он женат?

– У него есть подруга. Она с тобой незнакома. Ты давно пропал. Как в Афганистан тебя послали, в восемьдесят седьмом, мальчишкой. Потом ты где-то работал.

– Как так – где-то?

– В Москве ты был недолго, потом пошел в контрактники, добровольно поехал в Приднестровье.

– Там везде было много свидетелей, – сказал я. – Проверьте, не было ли кого-нибудь из меховских в Абхазии. Я предпочел бы потеряться там.

– Молодец, мальчик! Умница. Абхазия куда более экзотический район. Давай дальше займемся твоей биографией. Времени у нас в обрез – я боюсь, что в любой момент в Меховск может приехать вербовщик.

– Или охотник за черепами, – опять неудачно пошутил я.

– Мы в Кимрах и Кашине прочесали окрестности – ты что думаешь, легко полсотни трупов закопать?

– А река?

– Волга там как проходной двор, на каждом шагу по моторке.

Он меня не убедил.

– Ладно, – сказал полковник, – мне замминистра уже заявил, что видит в этом чеченский след. Так что можешь не размышлять на эту тему.

– Но у меня должны быть документы, письма, фотографии. А вдруг кто-нибудь всерьез заинтересуется моей скромной особой?

– Фотографии ты принципиально не носишь – чтобы не засвечиваться. Были у тебя нелады с правоохранительными органами. Какие? Не важно – на свободе остался, и дело с концом. Документы у тебя будут. Имя тебе оставим, а фамилию поменяем. На всякий случай. Ты сам подсказал – найдем парня, который не вернулся из Абхазии. Юрия или Георгия.

Он сразу делал пометки в небольшой книжечке, лежавшей у его правой руки.

– А зачем я туда приехал? Просто навестить кузена или жить?

– Ты и сам еще не знаешь.

– Аркадий? У него же другая фамилия.

– Борис Бенедиктович – брат твоей покойной мамы.

– Аркадий у вас работает?

– Ни в коем случае! – почему-то резко возразил Миша. – Но он нам обязан. Он верный человек. Работает на текстильной фабрике.

– Он тоже ветеран?

– Нет, он хромой. Он с детства хромой. Он кладовщик.

– Это создаст трудности, – сказал я, будто играл роль в шпионском фильме, где агента забрасывают в тыл к врагу. – Он никого не знает из ветеранов. Он мне не сможет помочь.

– Он всех знает. Он там родился и прожил жизнь. Он учился в школе.

– Вы правы.

– Теперь – главное. В Меховске есть отделение «Союза ветеранов – XX век».

– Афганцы?

– Нет, это сравнительно новая и любопытная организация. Она должна объединить ветеранов всех малых и больших войн.

– Это официальный союз?

– Совершенно официальный, лояльный, склоняющийся в сторону сильной власти, однако умеренно оппозиционный, но не по идеологическим соображениям, а потому, что опоздал к дележу привилегий и лицензий.

– Значит, водкой не торгуют?

– Ты у нас можешь создать фонд имени дедушки Крылова, добиться для него таких таможенных льгот, что вся страна пошатнется. Но эти ветераны не суетятся, хотя что-то для своих членов достают.

– А почему этот союз вас заинтересовал?

– Потому что он – плод новой идеи. Его основатель Рустем Марков подумал о том, сколько ветеранов у нас остались бесхозными. Даже о ветеранах Куликовской битвы никто не радеет. Он сразу получил поддержку неутомимых дедушек, которые умеют и любят проникать в высокие кабинеты, позванивая иконостасами юбилейных медалей.

– Вы не любите Рустема Маркова?

– И все его окружение. И почетного председателя генерала Чулкова, и Порейку из Меховска.

– Меховск – его центр?

– При чем тут Меховск? У них даже в парламенте есть свои люди. Это тебе знать необязательно. Тем более что мы и сами пока что до корней не добрались – кто-то этот союз подкармливает, лелеет, но не афиширует свою заботу. Мои аналитики могли ошибиться, но большинство из исчезнувших людей состояли в этом союзе.

Миша включил видик, и мы стали смотреть кассету о городе Меховске – его сотрудники работали оперативно. Одноэтажный каменный вокзал, построенный при Александре III, –

тогда, по-моему, и расцветала такая кирпичная архитектура. Потом пыльная улица – сплошные заборы, между которыми вставлены деревянные домики в три или четыре окна. Заборы плотные, высокие, ворота крепкие. Ближе к центру дома полукаменные и двухэтажные, главная улица – Советская, значит, местным демократам в свое время не удалось вернуть ей старое название: Николаевская или Екатерининская. В самом центре дома были двухэтажными, каменными, остались в наследство от купцов. Советская улица пересекала площадь, посреди которой стоял Гостиный двор. Он был невелик, но окружен галереей с дорическими пузатыми колоннами. На выложенной булыжником, а частично залитой асфальтом площади разместился также собор, недавно покрашенный, с вызолоченными крестами, трехэтажное – сборные плиты и стекло – государственное здание и другое, тоже в три этажа, но из красного кирпича – бывшая гимназия. Теперь, как пояснил Миша, там обитает сельхозтехникум. В прошлом году его переименовали было в сельхозакадемию, но область не утвердила нового статуса, может, потому, что в ней самой еще не было ни одной академии.

За скудным – видно, пленку снимали в начале лета, месяца два назад – рынком, где в тени крытых прилавков томились десятка два продавцов, темнел городской сквер – ну до чего же они все одинаковы, наши среднерусские городки! А там, за ручьем, Черемушки – четырехэтажные тоскливые дома и сама текстильная фабрика, тоже красного кирпича. Возле нее такие же красные корпуса – дореволюционные казармы для ткачей. В стороне по высокому берегу над Мологой тянется Гоголевская улица и пристань – дебаркадер, который давно пора бы покрасить.

С городком я познакомился. И узнал, что ресторан на первом этаже отеля «Молога» сразу за Гостиным двором зовется «Мологой», что там есть кафе «Синий ветер» и универмаг, – мы прокрутили кассеты еще два раза, хоть я все сразу запомнил. Но я не хотел огорчать Мишу, уверенного в том, что его агентам все надо показывать и объяснять трижды – видно, ему раньше с агентами не везло.

Я не спорил еще и потому, что с каждым разом фиксировал детали, незаметные даже глазу моего нового шефа. Я запоминал людей – снимали днем, видно, работал турист, вернее, человек, притворявшийся туристом. И на него внимания никто не обращал.

Полезные мне лица включали в себя хозяев лавочек и киосков на базарной площади, местного городского начальника, который поехал обедать на своей серой «Волге», лицо его шофера, а также лица двух милиционеров.

К тому же я был теперь уверен, что не заблужусь в Меховске ни днем ни ночью и знаю в нем почти каждый дом, – к счастью, оператор был дотошным и терпеливым.

– Теперь смотри на своих родственников – у меня есть их фотографии, но нет пленки, сам понимаешь – не посылать же человека, чтобы снимал в рабочем квартале. Послушай еще раз – что ты знаешь о любимом дяде Боре, покойнике, о живой еще тете Нине, его жене, о братишке Аркадии и его сожительнице Маргарите, что работает медсестрой в поликлинике.

Дядя на меня не произвел впечатления, тетя Нина показалась доброй, а брат Аркадий... У него было тонкое лицо горбуна и два стальных зуба спереди – за собой он не следил.

– Твой круг знакомых этим не ограничится. Честно говоря, сначала я решил было не показывать тебе физиономий тех людей, кого ты не знаешь и знать не должен.

– Ветеранов?

– Ты ведь не профессионал. Если знаешь лицо человека заранее, то можешь себя выдать.

– Но потом передумали?

– Передумал.

– Почему?

– Ты вроде бы умеешь собой владеть. Есть малый шанс, что кого-то из них случайно увидишь. По крайней мере будешь настороже.

Я видел, что дядя Миша ничего не может с собой поделывать – этот «Союз ветеранов» настолько ему не нравился, что он забыл о презумпции невиновности.

Все фотографии были сделаны «Полароидом». Как удалось фотографу не только снять крупные планы, но и посадить героев в тюремные позы – фас—профиль, – ума не приложу.

Первый был человек средних лет, с оливковой кожей, черными редкими волосами, на макушке они пересекали лысину поперек в несколько рядов черных блестящих ленточек и проволочек. Глаза у этого человека были карими, под ними мешки – что-то с почками. Плечи оказались узкими – даже под пиджаком видно.

– Это Порейко, – сказал дядя Миша. Имени-отчества он не сообщил – видно, решил, что узнаю это при знакомстве.

Затем он положил передо мной две фотографии кудлатого брюнета с черной повязкой через левый глаз.

– Одноглазый Джо, – сказал он. – Правая рука и телохранитель Порейки. Воевал в Приднестровье или по крайней мере там побывал.

Наконец он показал мне фотографию самого генерала Матвея Семеновича Чулкова – его второй подбородок лежал на тугом воротнике, туда же спускались брылы, а вот глазки так затянуло свинячьим жиром, что их трудно было разглядеть. К сожалению, генерал был в фуражке, и потому растительность на голове я не рассмотрел.

Четвертым персонажем, которого мне дали лицезреть, был сам Рустем Марков, человек, судя по имени и фамилии, смешанного происхождения. Но внешность Марков унаследовал от кавказских предков: был он горбонос, черноглаз, с хорошо организованной курчавой прической, единственное, что подкачало, – подбородок. Подбородок убежал к кадыку. Такие подбородки бывали и у Габсбургов, и ничего – правили империей.

– Отдохни, просмотри еще раз кассету, вот семейный альбом, познакомься со своей мамой, бабушкой и так далее – там везде есть подписи. А я сейчас свяжусь с нашим человеком, который работает по Абхазии. У тебя должна быть непотопляемая «легенда».

Миша ушел в комнату, хотя телефонный аппарат стоял и на кухне. Но мало ли о чем хочет поговорить полковник со своими майорами. Я же принялся за наш семейный альбом.

Смешно, но я стал воображать, что это и есть мои настоящие родители. Да и ничего странного в том нет – типичный комплекс детдомовца. Вот этот дядя – сначала молодой, на лыжной вылазке, в старомодном костюме, потом постарше, сержант, – оказался моим отцом. А это свадебная фотография.

Папа с мамой. Мама у меня – просто красавица. Правда, красавицей она была лишь на одной свадебной фотографии. Видно, умелая парикмахерша попалась.

– Где мы жили тогда? – спросил я у полковника, когда он вернулся на кухню.

– В Вологде, – ответил Миша. – Вы все северяне – у тебя еще один дядя есть – он в Архангельске живет.

– А мама жива?

– Мать твоя умерла относительно молодой. Попала под машину. А отец давно ушел от вас, женился на другой, связей с ним ты не поддерживаешь.

– Я уже запутался, – взмолился я. – Где здесь правда, а где моя «легенда»?

– Мы не стали бы так придумывать тебе семью – мало ли, Аркадий рассказывал женщинам, да и дядя с тетей у тебя живы. Нет, все правда. Только настоящий Юра без вести пропал в Абхазии.

– Почему я вернулся?

– Надоело скитаться. Хочешь осесть, работу найти, семья поможет. У тебя же на самом деле, кроме Аркадия и тети Нины, никого нет.

– Но почему они должны меня признать и принять?

– Сегодня вечером нам привезут материальные следы твоей биографии, потом начнешь готовиться к экзамену.

– К какому еще экзамену?

– Ты в жизни где-нибудь воевал?

– Я действительно служил, после школы.

– Вот именно. А твой герой, то есть Юрий Старицкий, прошел три войны. Ты должен знать современное оружие как свои пять пальцев, ты должен знать слова, песни, отношения уставные и неуставные – не дай бог тебе опозориться, попасться на пустяке. У тебя три дня.

– Мало.

– Я бы никогда не рискнул провести такую операцию с простым человеком. Потому я и просил тебя у Калерии. Понимаешь, от твоего поведения, от твоих знаний и умения зависит очень многое.

– Значит, у вас уже есть подозрения?

– Нет, никаких подозрений нет!

Он ответил так решительно и даже сердито, что я понял: какие-то подозрения существуют и очень не нравятся моему новому начальнику. Хотя у меня нет начальников. Я вольная птица.

– Что ж, – сказал я, – поехали учиться.

Экзамен я кое-как сдал, правда, не на третий день, а на пятый. Но прежде чем отбыть в командировку, мне пришлось в очередной раз пройти всю бюрократическую цепочку – выписать удостоверение, получить деньги, а также подвергнуться специфическим испытаниям, принятым в нашей системе.

Ничего смешного здесь нет.

Я сдал чемодан и рюкзачок на проверку в наш спецотдел, где «прекрасная девушка Нина, та, что в спецотделе живет», прошла по вещам, а потом и по мне частым электронным и интуитивным гребнем, чтобы убедиться – на мне и во мне нет ничего могущего указывать на связь с институтом.

Кстати, еще разок меня проверили в ведомстве полковника Миши на следующий день.

А потом притащили к Воробышку.

Воробышек – существо махонькое, ничтожное, робкое, в миру его зовут Яковом Савельевичем, и никто его не боится, хотя гениев от медицины надо бояться, чтобы не изобрели лишнего.

Яков Савельевич, которого Воробышком прозвали в институте, был подчеркнуто вежлив, но настырен, как голодный овод.

В его компьютере я содержался до последней клетки организма. Правда, найдя тысячу отклонений от нормы, он вынужден был в свое время признать, что при всем том я остаюсь гомо сапиенсом и отношусь к тому же виду, что и Воробышек, только к другой национальности. Что касается его национальности, то она была еврейской, что касается моей – то паспорт, относивший меня к русской нации, ошибался на несколько парсеков.

– Гарик, – взмолился Яков Савельевич, – Лерочка просила заблокировать травматические центры. Тебе не будет больно. Клянусь здоровьем мамы!

Маме было девяносто, и он отправил ее в Иерусалим, где более теплый климат.

Воробышек взмахнул крылышками, встрепенулся и, пока я пытался понять, что они с Калерией задумали, скомандовал своим помощникам, чтобы меня готовили к имплантации.

Так как я пытался сопротивляться, Воробышек вызвал Калерию, и та поклялась, что моему здоровью и возможности заводить семью ничего не угрожает.

– Ангел мой, – сказала она. – Мы не знаем, куда ты попадешь. И ты этого не знаешь. Нам лишь известно, что некто для каких-то непонятных нам целей крадет молодых людей. Современные средства обработки психики открывают...

– Опаснейшие возможности! – подхватил Воробышек.

Я поглядывал на стеклянную дверь в операционную, которую здесь почему-то называли процедурной. Там покачивалась широкая спина анестезиолога Гриши, который еще сегодня утром стрельнул у меня сигарету. И вот вместо благодарности он участвует в попытках!

– Гарик, не отвлекайся, – сказала Калерия. – Я хочу быть уверена, что они ничего не сотворят с твоим мозгом. Если они лишат тебя памяти или способности логически рассуждать, то все наше участие в операции летит к чертовой бабушке, а я буду вынуждена отправить тебя на пенсию в двадцать пять лет.

– Маловероятно, – сказал я. – Зачем им лишать меня памяти?

– Но раз мы не знаем, то должны подстраховаться! – закричал Воробышек. – Я бесконечно благодарен Лере, что она подумала о таком блоке.

– А Яков Савельевич, – ответила комплиментом Калерия, – сделает так, что воздействия на тебя через мозг будут сведены до минимума. Если там тобой постараются командовать, вызывая в тебе радостные повизгивания, как у лабораторной крысы, страх или душевную боль, – все эти чувства и воздействия ты будешь ощущать в сто крат ослабленными. Но будешь знать об их существовании и потому сможешь имитировать нужную реакцию.

– То есть «мальш уж отморозил пальчик», – сказал Воробышек, – а ты вопишь, что вся рука побелела и вот-вот отвалится.

– Две проблемы, – сказал я и постарался показаться моим мучителям несчастным ребенком, которого бросили родители. – Первая: не сунете ли вы мне в мозг чего-то лишнего, забыв сказать об этом? И вторая: не забудете ли вы вытащить шарики и датчики, когда я вернусь к вам в одном куске? Если, конечно, я вернусь в одном куске...

– Перестань гипнотизировать, – сказала Калерия. – Прибереги свои способности для аутсайдеров. Это первое. А второе – раз ты пришел к нам работать, то придется идти на некоторые жертвы. Учти, что институту нужны нормальные, здоровые и желательнее умные люди. До этого момента я тебя к ним и относил.

Я подумал, что Калерия вовсе не такая красивая, как мне вчера показалось.

– Договорились, – сказал я. Они с Воробышком были правы. Судя по всему, мне придется работать в сложной обстановке. Они же хотят подстраховаться. Ради меня самого.

Калерия обернулась к доктору:

– Яков Савельевич, а вы гарантируете, что никаких следов вашей операции внешне не будет?

– Мы же говорили! – вспорхнул куда-то под потолок мой мучитель. – Я же обещал! Ни одна драная собака не заметит дурного!

И я покорно пошел в соседнюю комнату, в процедурную.

Я приехал в Меховск через шесть дней. Три дня были нереальным сроком даже для энергичного полковника Миши и его команды. Но и через шесть дней в моей «легенде» оставались зияющие провалы. И если бы кто-нибудь решил всерьез заняться моей проверкой, он бы скоро меня разоблачил. Надежда была на то, что никому не придет в голову этим заниматься.

Добра у меня было рюкзак через плечо и турецкий чемодан. Небольшой, мягкий и не слишком набитый. Я не вез с собой гостинцев.

Поезд замер минуты на две. Я сошел на прибитую недавним дождиком пыль меж путей. Не знаю, почему на не очень загруженной дороге надо останавливаться на третьем пути, – наверное, чтобы несподручнее было «челнокам» тащить полосатые, как матрасы, баулы. Вся Россия тащит за собой такие баулы размером с бабушкин сундук. В зависимости от силы носильщика и содержимого баула его положено тащить в руке или крепить к тележке. Что возят из города в город, из страны в страну мои соотечественники, не знаю. Наверное, все, кроме лыж. В том, что из моего поезда в рассветный Меховск вывалилось с полдюжины «челноков», не было ничего удивительного. Удивительней было то, что на путях нас ждали другие

«челноки», которые волочили «матрасы» из Меховска в иные края. Им всем продали билеты в один вагон, видно, кассирша обладала зловредным характером, и я даже замер в сторонке, потрясенный скоростью и энергией, с которой все меховские «челноки» успели за две минуты втолкнуть в вагон десятка два объемистых сум и залезть сами – правда, с проклятиями, которые пошатывали старинное кирпичное здание вокзала, и с зарядом ненависти, которого хватило бы на штурм Зимнего дворца.

Меня никто не встречал, но я, конечно, помнил город – все улицы были знакомы, даже дома. И приятно было узнавать их в натуре и истинном масштабе.

Я пошел не спеша, не самой близкой дорогой, чтобы поглядеть на центр города, выкурил сигарету в городском сквере, поглядел, как на автобусной остановке толпятся грибники – видно, лес начинался близко от города и не надо было уезжать с вечера.

Птицы пели оглушительно. Наверное, сюда, в чистые края, слетелись птицы из Черновцов-12, Магнитогорска-18, Челябинска-46 – из всех тех страшных мест, где под предлогом будущего уничтожения империалистов травят и природу, и местных жителей, и, конечно же, лесную живность. Вот птицы и слетелись в Меховск.

Городок был таким мирным, таким российски идиллическим, так деликатно поскрипывали телеги, съезжаясь к рынку, что было совершенно невозможно даже допустить вероятность какого-то преступления, большой беды, грозящей этому миру.

По дорожке, ведущей через сквер, прошли быстрым шагом две монашки с сумками – спешили на рынок. А я и не знал, что здесь где-то есть монастырь. Вернее всего, догадался я, его открыли совсем недавно и управление дяди Миши еще не получило сведений от своих агентов. Впрочем, вернее всего, и для меня информация – лишняя.

Впитав в себя запахи пыли и отцветающей сирени, согретой солнцем травы и теплого хлеба, я поднялся и пошел к ручью, к современным домам. Домов было немного, не больше дюжины, были они четырехэтажными – скучными, одинаковыми, запущенными и своим существованием на окраине городка угрожали его будущему.

Сама фабрика была старой, из красного кирпича, но сбоку от здания поднимался на три этажа новый административный корпус – как говорится, стекло и бетон, а вернее, немые стекла и бетонные панели, обсыпавшиеся на стыках.

Солнце уже поднялось и пронизывало еще непыльную листву, но на улицах было малолюдно: люди досматривали свои последние сны – половина седьмого.

Мне бы побережь сладкий сон моего кузена Аркадия, но ошиваться возле дома, когда здесь каждая собака на виду, смысла не было. Чем менее я буду замечен, тем лучше для всех, включая меня самого.

Служба есть служба. На ней всегда недосыпают.

Я поднялся на третий этаж. Дверь была обита клеенкой и поделена на ромбы кнопками. Я позвонил. Коротко, чтобы не пугать человека. Аркадий должен быть один – тетя Нина уехала в деревню. Она всегда летом уезжает в нашу деревню, там сохранился дедушкин дом, она все лето занимается хозяйством, пашет, получает удовольствие и внука тоже берет. У Аркадия раньше была жена Клавдия, бросила его лет шесть назад, живет в Курске.

Я не подумал, что Аркадий может быть не один.

Он открыл быстро. Как был, в трусах и майке. Длиннолицый, красивый, болезненный, мягкие волосы слежались от подушки.

– Впустишь? – спросил я. – Привет тебе от дяди Миши.

– Чего? – Глаза у него были сонные, мутные, даже не блестели. – Какой еще дядя Миша?

– Кто там? – Хриплый голос вырвался из комнаты. Мужской или женский – непонятно.

Наверное, там – Маргарита.

Ну что мне оставалось делать?

– Аркаша, – сказал я, – неужели я так изменился? Я же твой брат двоюродный, тети Зины сын. Ты что, протри глаза! Я же тебе письмо посылал и телеграмму.

Разум медленно освещал глаза кузена.

– А сколько времени? – спросил он.

– Скоро семь. Я с поезда. Немного погулял, а потом решил – досплю уж у тебя.

В дверях комнаты появилась молодая женщина, высокая, широкоплечая, у нее были медовые волосы – не назовешь рыжими, но и не блондинка. Волосы были распущены, покрывали плечи халата. Она стояла босиком.

– Это... – сказал неуверенно кузен, – Гарик.

– Какой еще Гарик? – спросила женщина. – Откуда в семь утра Гарики ходят?

Даже в полумраке маленькой прихожей было видно, что у женщины очень белая кожа, какая бывает у рыжих.

– Гарик! – более уверенно произнес мой кузен. – Ты чего здесь стоишь, заходи на кухню. У меня в комнате не убрано.

– Спасибо. – Я прошел на кухню. Кухня была махонькой, половину занимал стол с остатками вчерашней трапезы.

– У меня тут ребята были, – сказал Аркадий. – Друзья, понимаешь? А потом, когда убираться?

– Ты Гарик или Алик? – спросила женщина. Она была пьяной. Словно не спала ночью, она хранила в себе выпивку, а Аркадий спал, вот и получился мрачным, сонным, но трезвым.

– Погоди, Ритка, – сказал Аркадий. – И без тебя тошно.

– Со мной тошнее? Недоволен? Да я с тобой время трачу, потому что в этой дыре никого лучше не найдешь.

Аркадий только отмахнулся.

– Ты подожди на кухне, – сказал он, – я оденусь.

– А ты меня познакомишь? – спросила Рита, которая ушла в комнату за кузеном. Оттуда мне все было слышно.

– Брат мой, – сказал Аркадий. – Двоюродный.

– А почему раньше не говорил?

– А чего тебе отчитываться?

– А он далеко был?

– Слушай, Ритка, заткнись. Хоть джинсы натяни, далеко он был, далеко, понимаешь?

– Так бы и говорил.

Я стоял на кухне, бутылка была не допита и не закупорена. Значит, они сильно были пьяные, когда пошли спать. Русский человек пробку всегда завернет, чтобы не выдохлось.

Голоса из комнаты стали невнятными, они там заговорили вполголоса, не хотели, чтобы я слышал. Я подошел к окну. Пространство между домами было вытоптано, деревья какие-то недокормленные – а странно, ведь край здесь лесной. Цепочкой пробежали бродячие собаки. В доме напротив открылось окно – на кухне возилась хозяйка. В ванной шумела вода.

– Теперь познакомимся, – сказала Рита за моей спиной. Я обернулся. Она была в свитере и джинсах. Волосы были убраны назад, но выбивались и падали волнистыми прядями на щеки. По белой коже были рассеяны веснушки, они густели к переносице. Вообще-то лицо у нее было веселое, нормальное, приятное лицо.

– Я блудный брат, – сказал я. – Зовут Юрием, иногда Гариком.

– А я вас буду звать Гошей, – сказала Рита.

– Как хотите. Только мне это имя не нравится.

– Почему?

– Получается толстый мальчик в очках и говорит писклявым голосом.

– Жалко, – сказала Рита. – У меня парень был, давно еще, в юности, он в баскет играл. Гоша Арзуманян.

– Я не возражаю, – повторил я.

– Ну я пошла, – сказала Рита. – Мне на работу пора. Вы сами за собой ухаживайте.

– Что-то рано у вас работа начинается, – сказал я.

– Какая есть.

Она сняла с вешалки куртку из искусственной кожи. Накинула ее и ушла, больше не сказав ни слова.

Она как раз вышла из подъезда и обернулась. Увидела меня в окне и подняла руку, прощаясь.

Из ванной вышел Аркадий. Он был аккуратно причесан, побрит, в чистой рубашке. С отвращением поглядел на стол. Говоря со мной, он принялся убирать посуду со стола и складывать в мойку, а бутылки, консервные банки, пустые баллоны из-под пепси кидал в ведро.

– Чего им надо? – спросил Аркадий. – Мне сказали – приедет человек. Братишка. Но больше ни слова – конспираторы.

– Я хочу пожить у вас немного.

– Где здесь жить? Они что, забыли, что у нас одна комната?

– Я ваш двоюродный брат, – сказал я.

– Знаю, мне сообщили. Когда мать дома, я на раскладушке сплю.

– Тогда давайте подумаем, – сказал я, – как нам лучше поступить. Ведь если я стану устраиваться в гостиницу, об этом все узнают. Это странно – приехал к брату, живет в гостинице.

– Да, неестественно.

– Я не хочу, чтобы все сорвалось из-за пустяка. И может быть, будем привыкать обращаться друг к другу на «ты»? А то еще глупее будет.

– Хорошо, значит, ты – Гарик?

– Да, Гарик, сын тети Зины.

– Хорошо, что мои в деревне.

– Иначе дядя Миша придумал бы другую версию, – предположил я.

– А ты надолго?

– По расчетам дяди Миши – на две недели.

– Я с Риткой поговорю, – сказал Аркадий. – Может, я у нее эти дни поживу. Перекантуюсь как-нибудь.

– Как знаешь. Мне нужно только, чтобы мой приезд и моя встреча с тобой ни у кого, ни у одной живой души не вызвали подозрений.

– А кого опасешься?

– Не знаю – значит, всех.

– А что я о тебе знаю?

На столе было чисто, Аркадий вытер пластик мокрой тряпкой, поставил чайник, вымытые чашки, достал с полки завернутый в пластиковый мешок батон и порезал его на тарелку.

– Ты голодный? – спросил он, не дав мне ответить на предыдущий вопрос.

– Спасибо, не голодный.

– Сейчас скажешь, что в поезде тебе завтрак давали.

– Я из дома взял, – соврал я.

Аркадий открыл масленку, порезал колбасы.

– Ладно, рассказывай теперь, что я о тебе должен знать. А то получается, как в шпионском романе. Ты обо мне знаешь все, а я – ничего.

– Меньше будешь знать, меньше проболтаешься, – нетактично ответил я.

– Так дело не пойдет, – сказал Аркадий. Он ждал, что отступлю, иначе получалось как-то не по-людски.

Лицо у него было нерусское: большой хрящеватый, туго обтянутый кожей нос, острые скулы, глаза в глубоких впадинах, под черными бровями. Такое лицо обычнее встретить где-то в Испании. Недоброе лицо, но красивое.

– Я вкратце расскажу? – спросил я.

– Только вкратце. А то я из-за тебя не выспался. – Все ему было неладно.

Я рассказал о том, как было уговорено с дядей Мишей. Здесь слово «полковник» забылось – осталось «дядя».

– Мне нужно будет познакомиться с ребятами, которые служили в Чечне. Афганцы тоже подойдут, но они для меня староваты. У вас есть отделение «Союза ветеранов – XX век»?

– Я от этого далек, – сказал он. – Я не служил.

– Ты не слыхал – среди твоих знакомых никто в Абхазии не бывал?

– Ты имеешь в виду отдых или что?

– Нет, войну.

– А чего там делать?

– Некоторые воевали. Как наемники.

– Дурачье везде найдется.

– Значит, не знаешь?

– У нас один парень на фабрике в Приднестровье воевал. Только за кого – не знаю. Он себя казаком называет.

– Вот он мне и нужен. Познакомишь?

– Не пойдет. Он меня на дух не выносит. Я про этих воителей ему как-то сказал, что думал.

– И что?

– Хотели меня наказать. Но, к счастью, за мной ребята из моего цеха шли. Вот и сбежали твои казачки.

– Это не мои казачки.

– Так что же ты с ними в Абхазии делал?

Он налил мне чаю и подвинул по клеенке бутерброд.

– Давай договоримся, – сказал я миролюбиво. – У тебя какое отношение к дяде Мише? Ты ему доверяешь?

– Я ему обязан, – ответил Аркадий, не глядя на меня.

– Я спросил – доверяешь?

– У меня нет другого выхода, – сказал Аркадий. – Я ему обязан.

– Допустим, что все же доверяешь. И тогда постарайся доверять мне. Где я был, где я не был – не твое дело. Но если я был, то выполнял задание. И здесь тоже выполняю задание. Я думаю, что мы с тобой по одну сторону баррикады, если тебе это что-нибудь говорит.

– Значит, тебе надо внедриться к ветеранам?

– Значит, так.

– Только этот казачок из Приднестровья как узнает, что ты мой двоюродный, тебя сильно не полюбит.

– Это мои проблемы. Ты мне только его покажи... И подумай, пожалуйста, может быть, есть кто-то еще. Ну чтобы не был к тебе враждебен. Просто ветеран. Должны же здесь быть ребята, которые служили в «горячих точках».

– Пойди в военкомат.

Нет, расположения родственника я так и не добился.

Он долил себе кипятку в чашку и сказал задумчиво:

– А вы там, в Москве, меня зарабатывали. Как Кальтенбруннера.

– Не гордись. Просто дядя Миша не хотел завалить тебя, меня и все наше дело.

– Я в вашем деле не участвую.

– Ни в коем случае. Ты мне только помогаешь.

Аркадий стал собирать со стола.

– Мы так и не решили, – сказал я, – где я буду жить.

– Ладно, поживешь у меня. Куда тебе деваться? В Дом колхозника, что ли?

– А он есть?

– Его нету. Там дискотека. Смешно?

– А как я буду спать?

– Я раскладушку у соседей возьму.

– А Рита?

– А я к ней сам схожу, – ответил Аркадий. Ему бы тут улыбнуться, но он был совершенно серьезен.

Было уже около восьми, Аркадий стал собираться на службу.

– Ты, конечно, можешь дома посидеть, но, если пойдешь куда, оставь ключ под половиком на лестнице.

– Не боишься?

– У меня брать нечего, – сказал Аркадий.

Когда он ушел, я не спеша осмотрел квартиру. Я не обыскивал ее, не мое это дело, хотя дядя Миша осторожно сказал: «При первой возможности осмотрись – мы Аркадия давно не трогали, мало ли что могло измениться. Погляди, какие он письма получает, какие сувениры хранит и так далее...»

Я сказал тогда, что к этому не готов. Пускай они посылают еще одного человека. Специалиста.

– Некогда, – всерьез ответил дядя Миша, – хотя следовало бы. Ну ладно, надеюсь, тебя не покоробит моя просьба – поглядеть, какие он выписывает газеты и какие читает книжки. Не покоробит?

– Нет, не покоробит. Если увижу портрет президента, значит, наш человек, если значок с Анпиловым, то возвращаюсь в Москву?

– Будешь действовать по обстановке. Для нас Аркадий – как оболочка для куколки: под ней не видно, какие у тебя красивые крылья.

Нет, пожалуй, у дяди Миши было определенное чувство юмора.

Так что я послушался полковника.

Я прошел в комнату – там была широкая тахта, наскоро прибранная – видно, Рита спешила, – стол под цветной скатертью, шкаф, две полки с книгами. В самом деле Аркадий жил скудно.

Газет он не получал. Вернее, я нашел номер местной, городской газеты, но есть ли у нее политическое лицо, мне в Москве забыли сказать.

Значков тоже не было, а вместо портрета президента на стене висел коврик – такие, наверное, из Турции привозят – с двумя оленями на фоне леса. Один смотрел на тебя, другой перед собой, поджидая опасность.

Я собрался в город. Закрыв дверь, положил ключ под коврик. Когда я занимался этим, открылась соседняя дверь, из нее выглянула худая женщина лет пятидесяти и вопросительно поглядела на меня. Надо было оправдываться.

– Здравствуйте, – сказал я. – Меня Юрием зовут. Я двоюродный брат Аркадия, в гости приехал. Так что вы не волнуйтесь.

Я включил все свое обаяние. На ее лице, для улыбки не приспособленной, возникло ее подобие.

– Очень приятно, – сказала она. – Меня Дашей зовут. Если что надо, соль или масло – вы ко мне заходите, не стесняйтесь. Мы с мамой живем, она у меня пожилая. А то Аркадий-то у вас небогатый.

– Правда, я заметил, – согласился я с женщиной. – А он что, пьет разве?

Я старался быть таким же обаятельным, доверчивым и вызывающим доверие.

– Да зарплату им уже полгода не платят, – сказала Даша. – А он не очень энергичный. Другие у нас с этой фабрики давно уж ушли – кто в бизнес, а кто уехал. А Аркадий, он, знаете, какой-то вялый. Пьет он, конечно, ну кто не пьет? Но, в общем, не особенно. Просто нет денег.

– А как Рита? – спросил я, чувствуя, что мы с Дашей уже подруги и она от меня ничего не скроет.

– Рита? Шалава. В худшем смысле слова, – сказала Даша. – Я про людей плохо не говорю, но лучше бы Аркаше забыть про нее. У нее же муж есть.

– А он...

Я дал возможность ей развить начало фразы.

– Он-то, конечно, алкаш проклятый, но все равно это хорошо не кончится. Она, говорят, с милиционером жила и с Порейкой.

Тут я насторожился. Фамилия редкая. А я знал, что это глава «XX века».

– А он, Порейко, не возражает?

– Ты смешной, Юрик, – сказала Даша. – Он ее боится. Он только на митингах выступать умеет, а так она его пришибет – ведь моральных устоев никаких, вы меня понимаете? У нее знакомства – вся торговля. Там бандит на бандите ездит, бандитом погоняет.

– Извините. – Я улыбнулся самой трогательной из набора моих улыбок. – А она какое отношение имеет к торговле?

– Торгует, – ответила Даша с отвращением. Она осталась советским человеком. – В Турцию ездит, кожу возит. Докатилась.

Это было хуже распутства.

Конечно, я мог пойти прямо к Порейке или даже в комнатку, которую Союз снимал в горисполкоме, но не хотелось спешить – мне надо было сделать так, чтобы меня туда привели свои люди, местные ветераны.

Я вышел на улицу. Было уже позднее утро. Можно было подъехать до центра на автобусе, он как раз остановился возле наших домов, но народ лез в автобус с таким отчаянием, словно это был последний дилижанс на Клондайк.

Городок оказался оживленным и бестолковым, так как улицы тянулись по склонам, прорезанным ручьями, порой у улицы была всего одна сторона, вторая круто обрывалась к воде.

На площади, куда я добрался минут через десять, я увидел киоск с газетами и журналами. Купил местную, районную «Вперед!», основанную в 1926 году и даже украшенную орденом «Знак Почета». В ней мирно уживались таблица с данными по косовице в колхозах района и объявления вполне столичного характера, включая сообщения о гигиенических прокладках.

– А центральную прессу получаете? – спросил я у толстой грустной женщины армянского вида, которая заполняла собой все свободное пространство внутри киоска, так что ей трудно было поворачиваться.

– Центральный пресса на пятый день прибывает, – пропела женщина с гортанным кавказским акцентом.

Потом я пошел к продуктовым ларькам. Они стояли в ряд, все голубые и одинаковой формы, – видно, в городе были приняты соответствующие решения по эстетике.

Риту я там не встретил, хотя заглядывал в маленькие окошечки, и в последнем не выдержал, спросил:

– Рита не заходила?

Маленький человек в пенсне – это было удивительно, может быть, свежая мода? – высунулся наружу:

– Какую такую Риту?

Он сразу понял, что я – чужой.

– Рыжую, – сказал я.

– А зачем она вам?

– По делу.

– Не знаю никакой Риты.

И спрятался, как белка в дупле.

Придется идти в пивную. Пора показывать себя городку.

Спросить о пивной было некого – ведь еще неизвестно, где кто здесь собирается.

Но тут я увидел кафе «Синий ветер». Кафе занимало первый этаж каменного двухэтажного дома неподалеку от рынка. Кафе было знакомо – по фильму. Я, помню, обратил внимание, что здесь работает хорошенькая официантка. Агент запечатлел ее крупным планом.

Кафе оказалось столовой, переделанной под заведение более высокого класса. На стенах висели картины местного пейзажиста, столики были покрыты черным пластиком, стулья тоже выписали откуда-то издалека. Добавилась и полукруглая стойка – и уже совсем экзотично рядом с Гостиным двором выглядели иностранные бутылки за спиной бармена, читавшего дамский роман, – я даже прочел название – «Страсть без конца».

За одним из столиков сидел какой-то местный чиновник, умеренно одетый и умеренно сытый. Я спросил:

– У вас самообслуживание?

– Сейчас подойдет, – ответил бармен, не поднимая головы. И крикнул: – Александра, клиент пришел!

– Иду, – откликнулась откуда-то Александра и тут же появилась из-за занавески, заменявшей дверь на кухню. Она сразу увидела меня и подошла, вытаскивая из кармашка передника блокнотик.

Наш оператор не польстил ей – Одри Хепберн меховского края замерла надо мной с изяществом горной серны (в жизни не приходилось видеть горную серну!).

– Что будем заказывать? – спросила она добродушно, с легкой улыбкой девушки из хорошей детской. Я сразу понял, кто она такая: дочь английского посла, которая проходит летнюю практику в русском кафе, готовя диссертацию по психологии русского мещанина.

– А что у нас есть, Александра? – спросил я. – Только честно!

Взгляд ее, до того блуждавший где-то чуть выше моего затылка, тут же упал на мое лицо, в озерных глазах отразилось любопытство русалки.

– Я вас не знаю, – сказала она твердо.

Бармен отложил книжку и тоже стал смотреть на меня, словно я нарушил правила поведения и достоин того, чтобы меня вышибли из порядочного заведения.

– Я вас тоже в первый раз вижу, – сказал я. – Честное слово. Но очень рад.

– И я вас.

– Бармен вас назвал. Только что. Мне ничего не оставалось, как подслушать.

Загадка разрешилась буднично, и глаза ее стали обыкновенными и равнодушными.

Сам по себе я для нее интереса не представлял, что, разумеется, задело меня за живое, и я задумался: кто бы мог понравиться такой девушке? Ален Делон или Депардьё? Скорей первый.

– Александра, – сказал я официантке, превращаясь для нее и только для нее в Алена Делона средних лет. И попросил, пытаясь внести смятение в ее неокрепшую душу: – Можно сделать яичницу с ветчиной из шести яиц?

Нет, я не угадал. Она и в грош не ставила Алена Делона.

– Нет ветчины, – сказала Александра и добавила: – А из шести яиц яичницу не делают.

Депардье, сказал я себе мысленно, вот кто меня спасет! И тут же подбородок Алена стал увеличиваться, и лицо приобрело характерный для Депардье грубый вид.

– Тогда с беконом, – сказал я, чуть играя голосом.

– Ну не привезли еще, – ответила Александра, глядя поверх прекрасной головы несчастного актера.

Ну кто же, кто же ее кумир? Как жаль, что я плохо знаю американцев. Может, попробовать Николсона? Но у Николсона отрицательное обаяние, ему только бы чертей и оборотней играть.

Размышляя так, я непроизвольно превратился в Николсона и понял, что Александра смотрит на меня с любопытством.

Я понадеялся, что она уже забыла о моих прежних обличьях. Мои жертвы обычно забывали о них мгновенно.

Девушка глазела на меня так, как я хотел бы, чтобы она глазела на меня. То есть на Гарика Гагарина, а не на проклятого Николсона.

– А если с сосисками? – спросила она. – У нас сосиски хорошие, местные.

– Отлично, – сказал я. – А вы сами-то завтракали?

– А я сама не завтракаю вообще, – с готовностью сообщила официантка. – Я фигуру берегу. Потерять легко, а потом ищи как ветра в поле.

– Разумно, – согласился я, – очень разумно.

Хотя мог бы поклясться, что еще лет двадцать ей придется оставаться горной серной. А может быть, всю жизнь.

– Значит, две яичницы, сосиски... Гарнир будет?

– Ну разумеется... а вы где так научились по-русски говорить?

– Вы имеете в виду Николсона? – спросил я.

Она кивнула, уже готовая к горькому разочарованию.

– Я прошу вас, умоляю, – прошептал я, – никто не должен знать, что я родом из этих мест. Меня мать в сорок первом отсюда вывезла, на Украину, спасала. Вот я и попал в руки гестапо. Она вырастила меня в приюте, и еще мальчиком меня выкрали агенты ЦРУ...

Я говорил тихо, быстро, настойчиво. Ни черта она не запомнит, кроме памяти о том, что я несчастен с детства и меня желательно согреть и спасти.

– Тогда яичницу, сосиски, два апельсинового сока и два кофе – быстро! – приказал я, завершая монолог.

Бармен снова взял книжку, но читал еле-еле, ему хотелось подслушать, о чем мы так воодушевленно, но негромко говорим. Но не услышал.

Я надеялся, что не нарушил каких-нибудь местных табу. Ведь, допустим, в Москве вряд ли можно было пригласить за стол официантку... но мне нужно было, чтобы она побыла со мной, запомнила меня (конечно же, не Николсона) и, может быть, рассказала обо мне своим друзьям. У официантки в провинциальном кафе весь городок должен быть в знакомых.

Но все получилось не так, как я рассчитывал, лицедействуя перед принцессой официанток. В тот момент, когда она выплыла с тяжелым подносом из кухни и стала расставлять на столе тарелки и чашки, в кафе стало чуть темнее, я сразу поглядел вправо – тень падала от окна. Там, оперев в стекло рожу, стоял коротко стриженный амбал, бык, качок – черт знает, как их еще называют. Плечи его легли как раз по ширине окна.

Александра тоже заметила наблюдателя и мгновенно вышла из транса. Так гипнотизер может потерять клиента в одно мгновение, если в зале раздастся неожиданный свист.

Бац – поднос, который она держала на весу, шлепнулся о стол, плеснул на черный пластик оранжевый сок из высоких стаканов, я еле успел подхватить кофейник, решивший было прыгнуть на пол.

– Простите, – сказала Александра, глядя на окно.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

– Ничего, – сказала Александра. – Совсем ничего.

Качок всем телом отодвинулся от окна, словно был широкой доской, поставленной на попа. Он исчез из моего поля зрения.

– Яичница скоро будет, – сказала Александра.

– А вы?

Качок уже был в кафе, он направился к нашему столу. Бармен увлеченно уткнулся в книгу.

Нет, это был не Порейко – его я знал по фильму и фотографиям. Это действующее лицо мне было незнакомо.

– Санька, – сказал качок, и мне показалось, что он пьян, – ты чего перед ним рассыпашься? Я разве не вижу?

– Кирилл, – Александра инстинктивно закрылась подносом, прижав его к переднику как щит, – Кирилл, ты бы отстал от меня.

Кирилл хотел боя, Кирилл был недоволен, и я показался ему замечательной добычей.

Он наступал на Александру и оказался рядом со мной. Но пока он ограничивался упрёками, я не вмешивался и стоял, опустив руки.

Такие вещи в незнакомых вертепах недопустимы.

Он мгновенно развернулся и врезал мне в плечо – целил в челюсть, и тогда я бы наверняка попал в нокаут, но он не рассчитал, забыв, что я выше его, хоть он, конечно, шире меня в плечах.

Я должен честно признаться, что в отличие от героев боевиков никогда не обучался у-шу, у-ку-шу или переку-шу, каратистов видел только на экране, а боксерской секции в детдоме не было. Но мне свойственно некоторое тщеславие. Люблю быть первым. Вернее, любил, пока не поумнел. А для этого в детдоме надо драться куда отчаяннее, чем на любой улице. Там сама жизнь ценилась ниже, чем у домашних людей. К шестнадцати, когда я на год раньше срока покидал детдом, я был независим. И не потому, что стремился к особому положению среди прочих, а потому, что люблю одиночество и не выношу, если меня трогают руками.

– Кирилл! – закричала Александра и замахнулась на него подносом.

Этот крик прошел сквозь меня, как сквозь кисель, потому что в тот момент я еще совершал странное волчковое движение. Я чудом удержался на ногах, правда, при том опрокинул соседний столик и разбил вазочку с полевыми цветами, поставленную на него Александрой.

Я не рассердился. В конце концов, я на чужой территории. Но если я разрешу себя бить, мне лучше сегодня же сматываться из Меховска.

Поэтому я позволил себе (говорю о том с сожалением) кинуться на глупого тяжелого амбала и нанести ему несколько болезненных и неожиданных ударов по ухмыляющейся физиономии. Конечно же, этот дурак был неповоротлив, и, даже если бы он оказался втрое сильнее меня, все равно в драке со мной он был обречен.

Когда он поднялся с пола, то принялся грязно ругаться и, естественно, полез за ножиком.

Тут очнулся бармен и стал кричать на Александру:

– Уходи, не видишь, что ли!

Непонятно было, что такого она могла увидеть. Ведь с грязными выражениями она, несмотря на свою хрупкую красоту, была отлично знакома.

Кирилл изображал, и довольно удачно, гориллу, идущую на случку, но его ножик опасности не представлял. Для того чтобы Кирилл обрел опасность для настоящих соперников, ему надо дать в лапы «калашников», но, к счастью, «калашников» ему не дали. В Меховске он, видно, пугал соперников видом мускулатуры.

Я отобрал у него ножик, и мне, чтобы получить передышку, пришлось, завернув ему за спину лапу и делая больно, вывести Кирилла из кафе и наподдать ему в зад так, чтобы он

побежал, согнувшись вперед, стараясь удержать равновесие, но не удержал и кончил свой бег нырком по асфальту.

Тогда я возвратился в кафе.

Бармена не было.

Александра вела себя безукоризненно. Она перенесла мой завтрак на соседний, чистый столик. Была она при том печальна, лет сто назад я сказал бы, что она охвачена скорбью.

– Это ваш друг? – спросил я, стараясь вести себя солидно и естественно, хотя сердце колотилось и дыхание срывалось – давно мне не приходилось драться.

– Это мой враг, – ответила в тон Александра. – Но он очень опасный парень.

– Почему? Ведь он ушел?

– Он бандит, – сказала Александра.

– Настоящий?

– Они все ларьки держат, и здесь, и на базаре.

Говоря, она поглядывала в окно. Но я сидел к окну боком и изо всех сил боролся с искушением посмотреть, что делается на площади.

– Он и ваше кафе... охраняет?

– Нет. Только он на мне жениться хочет. Смешно, правда?

– Смешно, – согласился я.

– А вы откуда? – спросила она, все поглядывая на окно.

– Я к тетке приехал, только ее сейчас нет.

– А зачем вы приехали?

– Хочу отдохнуть, может, устроюсь на фабрику. Я – шофер и механик. Я в армии шофером служил.

– Чего же вы – один живете?

– Нет, – сказал я. – Тут мой брат двоюродный живет. Я у него пока остановился.

– Брат?

– Аркадий, – сказал я, доверчиво улыбаясь. – Может, вы знаете? Аркадий Полухин.

– А вы меня не разыгрываете? – спросила она с неожиданной для постороннего подозрительностью.

– А зачем мне вас разыгрывать?

Она не успела ответить.

– Бегите! – приказала она.

Тут уж я услышал такую тревогу в ее голосе, что невольно посмотрел в сторону окна.

Они шли вчетвером. Как ходят пешие ковбои, чтобы навести порядок в салуне. Меня ждала веревка, если шериф не успеет прискакать на вороном коне.

Александра потянула меня к двери на кухню.

Я подчинился. Я приехал сюда знакомиться с людьми и дружить по мере сил с местным населением. Но не лишиться рук и ног...

Мы пробежали в заднюю дверь.

И тут же я услышал, как народные мстители вошли в зальчик кафе. Нет, не вошли – вломились, врезались, рухнули.

Как назло, в полутьме у заднего хода я свалил какую-то бочку, бандиты услышали шум и затопотали следом.

Мы оказались во дворе, с левой стороны был открытый сарай, справа – распахнутые в высоком деревянном заборе ворота, около них поленница, по краям и углам двора росла трава.

– Прячься в сарай! – приказала Александра.

– А вы?

– Прячься, говорю, меня они не тронут. Я позову Диму.

– Не хочу в сарае прятаться, как в норе.

Последнее рассуждение было лишним – пока я произносил эту фразу, преследователи вывалились во двор. Александра, добежавшая уже до ворот, остановилась, потому что я оказался в положении неприятном – до сарая добежать не успевал. Впрочем, если я бегаю быстрее... Но бежать мне не хотелось. Я готов был даже получить пару синяков, но завоевать краешек сердца Александры.

Они ворвались во двор разгоряченные, полные справедливого гнева и желания стаи волков расправиться с наглым кроликом.

Нервы мои не выдержали, и я кинулся следом за Александрой.

Они настигли меня у самых ворот, кто-то толкнул в спину, я полетел вперед, покатился по траве, стараясь сохранить власть над собственными членами и, даже падая, ускользнуть от ударов.

Это мне удалось, я почти успел подняться на ноги спиной к забору, но все же крайний из них врезался в меня, припечатав к доскам так, что у меня вылетел весь воздух из легких. Похоже, что я переоценил свои силы...

Я отмахивался достаточно быстро и, как мне казалось, эффективно, но мне все же попали в скулу и чуть не оторвали голову.

Совсем близко визжала женщина – это была Александра, – я потом уж понял, когда в голове прояснилось. Она колотила их кулачками по спинам, даже ногами дралась, но молодцы были заняты тем, как бы им получше свалить меня себе под ноги, а я из последних сил отбивался, чтобы не упасть – иначе они переломали бы мне все ребра.

Краем глаза я увидел, как один из бандитов, осерчав, развернулся и врезал по щеке Александре, так что она упала в пыль.

И именно в этот момент во двор следом за барменом, который, оказывается, совсем не зря покидал свой пост, вбежал Дима Порейко в камуфляже и с газовым пистолетом в руке.

Лучше бы у него был простой пистолет, ну пристрелил бы кого из бандитов – одним меньше, остальные бы остались живы. Но Порейко не придумал ничего лучше, как выпустить всю обойму в нашу сторону. Так что пострадали все – и нападающие, и жертва. И даже Александра, которая лежала на земле.

С другой стороны, враги были достаточно деморализованы и сразу отступили, обливаясь слезами, кашляя и задыхаясь, а Одноглазый Джо, верный адъютант Порейки, в поношенном мундире с погонами без звездочек, как он был атаманом Меховского казачьего войска, погнав их нагайкой и дикими воплями. Бармен помогал ему, а Порейко разрывался между желанием красиво спасти свою возлюбленную и отомстить негодьям.

Я его сразу узнал. И стало не так обидно, что меня помяли и покалечили. Мне не понадобится помощь Аркадия, я сам познакомлюсь с нужным человеком.

Опираясь рукой о забор, я пошел к большой бочке с водой, что стояла у заднего входа в кафе. Неверными руками стал плескать себе на лицо холодную дождевую стоялую воду. На виске кожа была сорвана и сочилась кровь. На виске не страшно, а вот глаз будет резко выделяться на черном фоне – тут мне заехали удачно.

Охладив физиономию, я поплелся в кафе – мне не хотелось, чтобы обо мне забыли.

Александра сидела на табуретке у плиты. Она прижимала мокрый платок к щеке.

– Привет, – сказала она. – Еще живой?

– Немного живой, – сказал я. И обернулся к Порейке, который вынул расческу и стал укладывать длинные редкие черные волосы поперек ранней лысины.

Смотрел он как-то сквозь меня.

– Спасибо, – сказал я. – Вы, коллега, подоспели вовремя.

– Я не к тебе подоспел, – сообщил Порейко.

Он был среднего роста, но фигура его была устроена неудачно: она была узкой в плечах и расширялась к земле, словно он был облачен в юбку восемнадцатого века. Женственность не уменьшалась от камуфляжа, который на нем выглядел вовсе не воинственно.

– Ты скажи ему спасибо, – произнесла Александра и скривилась от боли – говорить ей было трудно, и в прекрасных глазах английской кинозвезды стояла глубокая влага. – Ведь этот Кирилл совсем с ума сошел. Полез ко мне приставать прямо в кафе.

Александра чуть лукавила, но я понял, что ей хочется представить виноватым во всем Кирилла и о нашем сомнительном со стороны знакомстве она рассказывать Порейке не будет.

– А Гарик, то есть Георгий, его хотел остановить. Правда, Гоша?

Гошей оказался бармен. Он с готовностью подтвердил слова Александры.

– А почему Гарик? – спросил Порейко. – Это что за фамильярности?

На вид ему было лет под сорок, лицо было бледным, нездоровым, изгрызенным ямами от юношеских фурункулов.

– А Гарик – Аркаши Полухина двоюродный брат. Он здесь уже был, лет десять назад.

– Двадцать, – поправил я Александру. Мы с ней как будто разыгрывали спектакль.

– Ясно. – Порейко принял объяснение, посмотрел на Александру и спросил: – Может, до поликлиники дойдешь?

– Еще чего не хватало! – ответила Александра. – У меня здесь пластырь есть.

Она выдвинула ящик хозяйственного стола и достала пластырь – на щеке была основательная ссадина.

– Сходите в поликлинику, – сказал я, – а то инфекция может попасть. Раздует еще.

– Джо, – приказал Порейко, – отведешь Александру в поликлинику к дежурной сестре.

– Знаю, – сказал Джо.

Из-под фуражки у него торчал чуб странного, почти оранжевого цвета, как будто надевался вместе с фуражкой, как на детском карнавале. Черная повязка и черная шевелюра над ушами подчеркивали опереточность этого типа.

– Пошли, – приказал Джо. И спросил у Порейки: – Может, пистолет дашь?

– Я всю обойму расстрелял, – признался Порейко. – Если что – зови ребят. Но я думаю, они не посмеют. Нет, не посмеют. Мы тогда их взорвем к чертовой бабушке.

Когда Александра в сопровождении Одноглазого Джо покинула кафе, Порейко сказал Гоше:

– Быстро накрой нам – бутылец, бутербродов с рыбкой и мое любимое.

Его любимое оказалось крабовыми палочками. У каждого свои склонности.

Порейко разлил по рюмкам из мгновенно появившейся перед нами бутылки.

– С приездом, – сказал он.

Глаза у него были светло-карие, почти зеленые, кошачьи, злые.

– Спасибо, – сказал я. – Со знакомством.

Он внимательно смотрел, как я пью. Я пил не спеша, без жадности.

Порейко удовлетворенно кивнул и залпом кинул в рот содержимое своей рюмки.

– И чем же ты им не понравился? – спросил Порейко.

– Могу предположить, – ответил я. – Один из них по имени Кирилл увидел, как я разговариваю с Александрой, и решил меня наказать.

– А как же ты разговаривал?

– Обыкновенно. Мне интересно было на Александру поглядеть. Она красивая.

– А ты, парень, наглец!

– Посмотреть никому не запретишь.

Порейко достал гребешок и снова принялся раскладывать черные волосы поперек лысины. Видно, это было его любимым занятием.

– И что же ты сказал Кириюше? – спросил Порейко.

- Я его не трогал. Не лез. Но не люблю, когда руки распускают.
- А Александра сказала тебе, что у него черный пояс по карате? – спросил Порейко.
- Она ничего сказать не успела. Я его раньше выкинул.
- Не похоже.
- Спросите у бармена.
- Спрошу. И у Александры спрошу.

Любопытно, подумал я. Бывают люди, которых до старости зовут Сашками, а Александру называют Александрой. Значит, в ней что-то есть...

- А ты хоть знаешь, кто такой Кирилл? – спросил Порейко, пряча расческу в карман.
- Теперь знаю, – сказал я. – Ваш местный бандит.

– Шантрапа, – заметил Порейко. – Но они не в законе, они отмороженные. Тебе это что-нибудь говорит?

- Говорит. Старших не уважают.

– Их приходится наказывать, – сказал Порейко и вздохнул, как палач, уставший от этих висельников. – Еще по одной?

- Как скажете.

Я никак не мог найти с ним правильный тон. То в ответ на его «тыканье» я тоже обращался к нему на «ты», то вспоминал о том, что он лет на пятнадцать старше меня, и становился вежливым.

- А ты вообще-то употребляешь?

- Когда надо, могу пить.

- А сейчас надо?

– Я хотел бы здесь осесть на время. Может, на работу устроюсь. Мне с вами ссориться не хотелось бы.

- Почему?

- Потому что вы авторитетный человек.

- Это тебе Аркашка сказал?

– С Аркадием мы о вас не говорили. Мы вообще мало с ним говорили. Я на утреннем поезде приехал, а потом он на службу ушел.

- Значит, ты полседьмого пришел?

- Примерно.

Порейко, довольный, засмеялся. Он шурился и мотал головой, тщательно уложенные пряди рассыпались, упали на нос.

- Ох, Ритка тебе и задала! – заявил он утвердительно.

Я ничего не ответил. Маленький городок, все спальни под рентгеном...

– И куда же ты работать намылился? – спросил Порейко. Он снова достал расческу, чтобы привести волосы в порядок.

- Я в армии механиком-водителем был.

- Генерала возил? – Порейко улыбнулся, улыбался он некрасиво, недобро.

- Разных людей приходилось возить, – сказал я. – И разные машины осваивал.

- Может, и БМП?

- Может быть.

- И танк?

- Может быть.

Я надеялся, что танка у них здесь нет и они не смогут меня проверить. Шофер я хороший, в двигателях разбираюсь, но танк водить не приходилось. Хотя, впрочем, это тот же трактор.

- А точнее? – спросил Порейко.

- Надо будет, расскажу и точнее.

- Вот сейчас и надо, – приказал Порейко.

– Не понял! – Я хотел, чтобы мой голос прозвучал агрессивно, но не слишком.

– Ладно, – сказал Порейко. – Пошли ко мне.

– Куда?

– Слушай, парень, – рассердился Порейко. – Мы здесь люди солидные. Хотим тебе помочь. Не пойдешь – приведут.

– Меня пугать не надо, – сказал я.

Порейко поднялся.

Бутылка водки осталась на две трети полной. Порейко с жалостью поглядел на нее, и мне вдруг подумалось, что сейчас он ее сунет в карман и унесет. Но если он и хотел так поступить, то сообразил, что при мне так делать не стоит. Он громко сказал бармену:

– Посуду заberi, чтобы не пропала.

Бармен, который наливал пиво из крана двум девицам с багровыми рожам бомжей, кивнул.

– Пошли. – Порейко, не оглядываясь, пошел к выходу.

Я последовал после секундной паузы. Все пока шло по моему плану, однако мне надо было показать некоторое сопротивление, чтобы Порейко убедился в том, что я подчиняюсь ему принудительно.

Мы вышли на улицу не рядом, а последовательно – я шел в двух шагах сзади.

Улица была пустынной, лишь возле ларьков бродили женщины, а у одного из них разгружали «Газель».

Навстречу нам шел Одноглазый Джо.

– Ну что? – спросил у него Порейко.

– Жить будет, – ответил Джо и расхохотался. Он любил громко смеяться. Я видел его «дело» у полковника Миши. «Дело» умещалось на листке компьютерной распечатки, но от этого его биография не становилась проще. У него было две судимости за хулиганство, он проходил совсем близко от посадки в деле о групповом изнасиловании – неприятный тип.

– Ты проще, Джо, – мягко сказал Порейко, но это тоже звучало как приказ.

– Смазали и пластырь наложили. Но она сказала, что голова болит, и ее домой отправили.

Сказали, чтобы полежала, потому что есть опасность сотрясения мозга.

И тут уж Джо нельзя было остановить.

– Ты чего? – прервал его смех Порейко. – Что тебя, идиота, веселит?

– Мозги, – признался Джо. – У нее мозги!

– Куда больше, чем у тебя, – сказал Порейко. – Понял?

– Так точно, – сказал Джо, не обидевшись. – Вы к себе идете?

– Вот веду юношу в офис, – сказал Порейко. – Побалакаем.

– Юношу! – И Джо поплелся за нами, взывая от приступов смеха.

Идти было недалеко. Мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж. Дверь в ближайшую комнату была приоткрыта. Из-за нее доносился стук пишущей машинки.

– Заходи, – сказал Порейко.

Одноглазый Джо толкнул меня в спину, но я промолчал. Я должен быть хитрым, как змей, и осторожным, как пугливая лань.

Это была большая комната в два окна. В ней помещались шкаф и два письменных стола. На стене висело красное знамя, рядом с ним портрет императора Николая II, который отвернулся от знамени, видно возмущенный таким соседством.

Кроме того, к стенам были приклеены какие-то листовки, плакатики, записки, карикатура на Гайдара и большой плакат из военного кабинета, на котором был показан в общем виде и в разрезе автомат Калашникова и объяснялось, как его разбирать и смазывать.

За одним из столов сидел молодой человек при усиках и в черной кожаной куртке.

– Ну как? – спросил Порейко. – Кончаешь?

– Скоро кончу, Дмитрий Трофимович, – ответил молодой человек.

Порейко обогнул второй стол, что стоял как раз между портретом и знаменем, и уселся за него. Я оглянулся в поисках стула. Стула не оказалось.

– Ты садись, садись, – сказал Порейко, который отлично видел, что стула в комнате нет. Я молча направился к другому столу и сказал молодому человеку с усиками:

– Привстань.

– Зачем?

– Привстань!

Тот вскочил. Я взялся за спинку стула, перенес его к столу. Одноглазый Джо ринулся было ко мне, но Порейко остановил его, подняв ладонь.

– Дмитрий Трофимович, – пожаловался усатик, – я так не успею.

– Пиши стоя, – ответил Порейко.

Смотри-ка, а он находчив и хладнокровен и, видно, привык общаться с нахалами вроде меня!

– Ты из той комнаты принеси, – подсказал Джо и широко улыбнулся. А когда парень ушел, он сказал: – Ну, ты даешь!

– Помолчи, – велел ему Порейко. – Иди погуляй, пивка выпей и Жору с собой заberi.

– Будет сделано, – сказал Джо.

Мы остались одни.

– А теперь рассказывай, – ровным вялым голосом произнес Порейко, – кто и зачем тебя сюда прислал. Что тебе нужно от нас?

– Это вместо здравствуйте? – спросил я.

– Ты говори, говори...

– Слушайте, мне такой разговор не нравится, – сказал я. – Я к вам не напрашивался, вы меня позвали, а теперь все наоборот?

Я должен быть прост, но не так уж и прост.

– Город у нас небольшой, каждый человек на виду. С чего бы тебе к нам приезжать?

– Повторяю по буквам, – сказал я. – Можете проверить у Аркадия, тем более что вы с ним знакомы. Пошлите телеграмму тете Нине. Что вам еще показать?

– Паспорт, – сказал Порейко, протягивая открытую ладонь.

– Зачем я буду вам паспорт показывать?

– Покажи.

Я отрицательно покачал головой.

– Ты в самом деле собираешься в нашем городе жить? – спросил Порейко. – Так учти, что за первый же день нажил себе опасных врагов. И они тебя на улице тут же подхватят. Зачем тебе враги? Это же смертный приговор.

Я подумал – недолго, секунд пять, – достал из внутреннего кармана бумажник, из него – паспорт.

Паспорт был самый настоящий, с моей фотографией, только некоторые данные были изменены. Но умеренно. Так, чтобы при проверке не возникло подозрений. Моя мать, Зинаида, вышла замуж за одного железнодорожника, когда мне было пять лет, и уехала из нашей деревни. Так что мое рождение и родственные связи с семейством Лопухиных подтвердились.

Докопаться до правды было возможно, но этого надо было очень захотеть. Я надеялся, что такого желания не возникнет. Если я буду вести себя естественно.

Порейко перелистал паспорт.

– Прописан в Каунасе. Это еще что такое?

– Я женился там, – ответил я. Мне сделали эту женитьбу, надеясь, что проверить мое прошлое в Литве будет сложнее, чем в Калуге.

– На литовке? – Я понял, что литовцы для него хуже негров.

– На нашей, – успокоил я Порейку. – Только мы расстались.

– Ага, – сказал Порейко, – ...зарегистрирован с гражданкой Кузнецовой... И почему же расстались?

– Не сидится мне на месте, – ответил я.

– Паспорт пока побудет у меня, – сказал Порейко. Он прихлопнул его ладонью.

– Я что, к ментам попал? – спросил я.

– Ты к серьезным людям попал. Так что рассказывай дальше свою биографию.

– Не пойдет, – сказал я. – Надоело мне. Что за страшилки? Обойдусь я без вашего покровительства.

– Не обойдешься. Рассказывай дальше.

– Но хоть скажите, кто вы такой, – взмолился я.

Порейко смилостивился.

– Тайны тут нет, – сказал он. – Я председатель меховской секции «Союза ветеранов – XX век». Слышал о таком Союзе?

– Союз ветеранов Афганистана? – спросил я.

– Не совсем так. «Союз ветеранов – XX век». Мы объединяем все здоровые силы в ветеранском движении под лозунгами единства и нерушимости нашей родины. Ясно?

Текст был прочитан как с плаката, хотелось посмотреть по стенам – откуда же он прочел эти громкие слова?

– Ну что ж, – сказал я, даже без особого желания, так, к слову пришлось, – значит, мне у вас надо зарегистрироваться.

– А ты что, ветеран? – Порейко был удивлен. – Ты же сказал, что только на действительной был.

– И еще три года, – сказал я.

– И где же служил?

– Я много где служил.

– А ты говори, нам спешить некуда.

Я принялся рассказывать вымышленную боевую биографию, путь советского конкистадора конца XX века. Моя «легенда» была относительно скромной, чтобы максимально снизить риск от встречи с бывшим однополчанином. Правда, дядя Миша не успел толком проверить все личные дела меховских ветеранов, но он был почти уверен, что там не было абхазцев и никто из них не побывал в Африке. Африку придумал я сам – наемник в Сомали! Я еле спасся, когда власть переменилась. Но везде – механик-водитель, не снайпер, не террорист – избави боже, просто хотелось посмотреть мир и немного заработать. Мир кое-как посмотрел, большей частью через прорезь в БМП, заработать не удалось – плохо у меня держатся деньги.

Порейко слушал меня, почти не перебивая, делал пометки в черном блокноте. Когда я бежал из Сомали в Киншасу, скептически покачал головой и сказал: «Клуб кинопутешественников».

– Да ты, может, снаряды возил для черных! – взвился Порейко.

– А ты считал? – спросил я. – Кто эти снаряды возил и кто дачи себе строил? Там и без снарядов было что возить.

Я закончил рассказ своим появлением здесь. Захотелось осмотреться, может, осесть, хотя люблю я больше крупные города, а может, отправлюсь дальше. Как получится. Главное – я мирный человек, приехал с дружескими намерениями и вступать в войны не желаю...

– Черт ты знает, – сказал по завершении моей одиссеи Порейко. – Черт вас всех знает.

– Мне можно идти? – спросил я.

– Нет, – сказал Порейко.

Он поднялся, решительно кинул мой паспорт в ящик своего стола, вернее, ему показалось, что он кинул мой паспорт в ящик стола, – на самом деле паспорт уже был у меня в кармане. Но мало ли кому что кажется.

– Пойдем с тобой вместе, – сказал он.

Стоя, он расчесал свои кудри, распределив по лысине параллельными прядками, кликнул Одноглазого Джо и велел усатику садиться за завершение какого-то документа.

– Сейчас навестим Одуванчика, – сказал он своему адъютанту.

– Он сейчас в мастерской занят, – с почтением в голосе ответил Джо.

Порейко вылетел из комнаты подобно Петру Первому на каком-то полотне Лансере и помчался, поднимая ветер.

За ним бежал Одноглазый Джо и сзади – я.

День уже разгорелся, солнце светило жарко и влажно, под ним подушками лежали сизые тучи.

Люди оборачивались, глядя на нас, Порейку узнавали, некоторые пытались приветствовать его. Но Порейко никого не видел.

Мы промчались вдоль рядов рынка, в конце их у забора была мастерская «Металлоремонт», типичная хижина дяди Тома с окошком, как в заводской кассе.

Но мы не стали заказывать ключ, Порейко обогнул мастерскую сбоку, толкнул дверь, а мы с Джо остались снаружи, на пороге, потому что места внутри хватало лишь для длинного верстака с вальцами, половинки стола, где были сложены инструменты, и стула, на котором сидел хозяин мастерской Одуванчик.

Я сразу понял, почему его зовут Одуванчиком. Он был смуглым, загорелым или с детства смуглым, а тонкие завитые волосы вокруг лысинки-тыквы казались одуванчиковым белым пухом. А лицо у него было гладким и добрым, с большими бараными глазами.

– Все знаю, – сказал он, не оборачиваясь и не переставая обтачивать болванку. – Все слышал. Страшно недоволен. Всех накажу. А ты, Трофимыч, своих тоже накажи.

– Я там сам был, – сказал Порейко. – Знаю, кого наказывать.

– Зачем волнуешься, гипертонию подхватишь.

– Ты предупреди, Артем Давидович, – сказал Порейко, – ты предупреди Кирилла, чтобы он глупостей не делал. А я тебе хочу представить (он так и сказал: представить) моего нового человека, прибыл к нам из самой столицы, состоит моим личным водителем. Познакомься, Юрик, и проникнись уважением к единственному в наших краях «авторитету».

– Преувеличение. – Мастер Одуванчик обернулся ко мне. Он отложил болванку и вытирал ветошью пальцы. – «Авторитетов» в Меховске нет, а вот авторитетные люди имеются в наличии.

Он протянул мне руку.

Ладонь и пальцы были жесткими, как у человека, который занимается ручным – металлическим или каменным – трудом.

– Не могу без работы, – сказал Одуванчик. – Руки мои тянутся к труду. И вроде пенсия у меня хорошая, и квартира есть, а все продолжаю приносить пользу людям.

– Значит, договорились? – спросил Порейко.

– Что-то твой Юрик очень злой, это плохо, – сказал Одуванчик. – Людей надо любить, а не калечить.

– Александра в больнице, – ответил также коротко Порейко. – Люблю я Александру, жениться на ней собрался.

– Неужели Александру обидели? Значит, я был прав, когда рассердился на бездельников. Но за Александру они от меня вдвое получают. Так что иди, Трофимыч, гуляй, воспитывай своих молодых ветеранов. Нам с тобой делить нечего.

Мы вышли наружу. Тучи подобрались к самому солнцу. Воздух был тяжким, мокрым, парным.

– Врет он все, – сказал Порейко.

Одноглазый Джо уже пошел вдоль рядов, остановился возле торговки, стал прицениваться к огурчикам.

– Ты думаешь, что он чудак – Одуванчик? – сказал Порейко.

– Я так не думаю.

– Он на рынке сидит как паук. Контролирует рынок, а когда рядом хозяйский глаз, всегда можно пожаловаться или совета попросить.

– Он вас не любит? – спросил я.

– Конечно, не любит, но ссориться со мной не будет. И особенно ему неприятно, что Александру задела. Это уж совсем не по-людски. Но он ничего поделать со своими не может. Они же отморозенные, надо с ними разобраться. А ты как думаешь?

Мы вышли с рынка и остановились. Порейко закурил.

– Не знаю ваших возможностей, – сказал я.

– Правильно, и я спешить не буду, – сказал Порейко. – Но когда время придет, я их отправлю куда положено.

– А куда?

– Так вот что тебе надо? Я специально, гад, тебя испытывал!

– А это не я спросил. Это Джо спросил, – ответил я.

– Точно, – согласился Джо. – Куда ты их отправишь, Трофимыч?

– А пошел ты!

Вдруг Порейко остановился и погрозил кому-то пальцем.

Я поглядел в ту сторону. За воротами рынка стоял Кирилл. Смотрел он на меня с нескрываемой ненавистью.

– Я бы ему не доверял, – заметил Порейко.

– Даже после вашей беседы с Одуванчиком? – спросил я.

– Эффект есть, – ответил Порейко. – По крайней мере он не кидается на прохожих.

Обратил внимание?

– Обратил. Только я бы на вашем месте тоже был с ним осторожен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.